

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

СЕСТРА ВЕТРА

ГАЙ ЮЛИЙ ОРЛОВСКИЙ
ДИАНА ХАНТ

12+

Золотой Талисман

Диана Хант
Сестра ветра

«Автор»

2018

Хант Д.

Сестра ветра / Д. Хант — «Автор», 2018 — (Золотой Талисман)

Аэлло — наследница Жемчужного престола и единственная надежда Крылатого народа. Когда безжалостные нефилемы поработили сестёр ветра, лишь юная принцесса смогла ускользнуть. Услышав о мощи таинственного Талисмана, Аэлло задаётся целью добыть бесценную реликвию для королевства гарпий и отправляется на поиски артефакта.

© Хант Д., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	37
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Диана Хант, Гай Юлий Орловский

Сестра ветра

Серия «Золотой Талисман»

Ворг. Успеть до полуночи

Потерянная

Со смертью наперегонки

Мелкинд Виллейн

Цитадель

Сестра ветра

Цитадель в Огне

Слуга Жнеца

Ответный удар

Стальные перья

С огромной благодарностью за науку Юрию Александровичу Никитину

Глава 1

Аэлло свернулась калачиком возле Келены. Ноги прикрыла крылом – из щелей, что у входа в пещеру нещадно дует. Голову устроила у тетки на коленях и та принялась ласково гладить по волосам.

Узловатые пальцы Келены скользнули по мягким белым локонам, осторожно отвели прядь, закрывшую глаза племянницы.

Старая гарпия тяжело вздохнула, поджимая губы – на белой, как фарфор, щеке алеют, наливаясь цветом, полоски от пальцев.

Аэлло недовольно повела плечом и вернула прядь на место, вновь закрывая лицо.

Келена принялась водить пальцами по спинке так же, как делала это, пока племянница была маленькой и только училась верить крыльям. Спина у Аэлло худенькая, видно каждое ребрышко, крылья подрагивают в такт прикосновениям.

Келена провела линию вдоль позвоночника, и Аэлло вздрогнула.

– Шершаво, – шепнула она.

Келена только вздохнула.

Ветер, танцующий от колыхания маховых перьев, гонит по полу пещеры грязные обрывки ткани и кровавой ваты, в воздухе запах крови и паленых перьев.

Сквозь узкий, забранный толстыми прутьями, вход, сочится скудный свет, обрисовывая полуобнаженные тела крылатых женщин. От низкого свода гулко отражаются полные страдания и отчаянья стоны, сдавленные рыдания.

Кто-то лежит совсем неподвижно, уже не кричит, не стонет. Несколько молоденьких гарпий с зелеными ветками на предплечьях, осторожно склоняются над затихшими сестрами. Глаза потухли, на бледных лицах отчаяние, подбородки заострились от голода.

– Проклятые, проклятые! – бормочет, вся в слезах, Келена. – Да оставит их всемогущий ветер без крыльев!

Один из закрывающих выход прутьев пошел в сторону, по пещере прокатился скрежет. Спустя мгновение мощные синие руки зашвырнули внутрь крылатое женское тело. Пролетев несколько шагов, пленница со стоном рухнула на пол и застыла.

Остальные с ужасом уставились на гарпию, чьи пышные бедра еле скрывает обрывок ткани, а алебастровая кожа вся в синих и черных кровоподтеках. От густой смоляной шевелюры остались обрывки, словно наспех обрезали мечом или топором.

Гарпия уперлась обессиленными руками о каменистый пол пещеры, подняла голову.

Глаза Клены расширились от ужаса, вырвался крик:

– Дара?!

Всю левую сторону прежде белого, безупречного лица Подарки скрывает синяк. Левое веко прикрыто, и под ним сверкает налитая кровью полоска глаза.

– Дара! – крикнула Аэлло и вскочила навстречу сестре.

Спотыкаясь о камни в полумраке, подбежала и опустилась на колени, обняв сестру за ободренные плечи.

– Дара, – повторила она уже шепотом, – что они...

Аэлло подавилась, закашлялась, пришлось замолчать, чтобы унять дрожь. Потом она обхватила лицо Подарки ладонями, прижалась лбом. Белокурые локоны встретились с угольными, черными, как ночь.

– Сестренка, – шепнула Подарка и тоже взяла лицо Аэлло в руки.

Повисла тишина, в которой слышно лишь тяжелое дыхание гарпий и завывание ветра в щелях. Остальные гарпии замерли, боясь издать лишний звук и потревожить общую скорбь.

Прошло несколько минут, прежде чем кто-то решился пошевелиться, послышался шорох перьев.

– Твои волосы... – простонала Аэлло.

– Волосы, – тихо повторила Подарка, и разбитые губы исказила судорога. Гарпия попыталась ободряюще улыбнуться, не вышло. – Волосы отрастут.

– Что там, Дара? – тихо спросила Келена, тяжело опускаясь на колени рядом. – Что там происходит?

Те гарпии, что могут двигаться и ходить, тоже обступили их.

Подарка отвела голову Аэлло подальше и пристально вгляделась в ее лицо. Тусклого света со стороны входа хватило, чтобы увидеть в зрачках младшей сестры свое отражение, словно разделенное посередине, состоящее из двух половинок – черной и белой.

Наконец, отняла ладони. Руки Аэлло тоже опустились, тонкие пальцы принялись нервно тереть грязную белую ткань платья.

Подарка подняла взгляд на королеву-регентшу.

– Там, – хрипло проговорила она, и узкий подбородок страдальчески дернулся. – Кровь. Растоптанный жемчуг. Идолам... Идолам открывают головы, выковыривают изумруды, срывают со стен Лики! Золотых изразцов нигде не осталось... Грабят. Хватают все, даже посуду. На стенах, на полу кровь. Везде кровь... Не жалеют никого. Сестры... Им ломают крылья.

За спиной Подарки взметнулось рваной тенью крыло. Второе висит безвольной тряпкой.

Подарка продолжила говорить, речь стала сбившейся, отрывистой:

– Тех. Кто ещё. Живы. Они... Они!

Подарка замолчала и уронила голову, тряхнув черными обрывками волос, ладони закрыли лицо, послышался тихий, сдавленный вой.

Узкие брови Аэлло нахмурились, и без того тонкие губы сжались в одну линию. Гарпия положила руку на плечо сестре.

– Говори, Подарка, – тихо приказала она.

– На Жемчужном троне...

Черноволосая гарпия снова запнулась, замолчала, словно никак не могла подобрать нужное слово. Потом глубоко вдохнула и разбитые губы выплюнули:

– Анаким.

Имя нефилима срикошетило от стен, звякнуло о низкий свод пещеры, прошелестело израненными губами сестёр ветра.

– Анаким... Анаким... Анаким...

Лица гарпий потемнели, точно их накрыло мощной тенью синего исполина, в широко раскрытых глазах застыл ужас.

Аэлло с силой сжала пальцами виски.

– Нет, – тихо проговорила она, мотая головой. – Нет.

Все головы обернулись к ней.

– Нет, – повторила наследница.

– Мама, Аэлло, – позвала Подарка.

Келена подняла на нее безнадежный взгляд, губы искривились, будто сейчас разрыдается, но держится из последних сил, плакать не позволяет статус. Аэлло тоже обернулась, и, замерев, уставилась на сестру.

Подарка тихо добавила:

– Это не все. Это... Не самое худшее.

Одна молоденькая светловолосая гарпия не смогла сдержать вскрик и быстро зажала рот обеими руками. Но очередная волна ужаса успела проникнуть в каждое сердце. По пещере покатился вой и крики, похожие на предсмертные вопли чаек.

– Мы все умрем...

– Все умрем...

– Все!

– Все!

Отовсюду слышались истеричные всхлипы, мычание, тонкий горестный плач.

Совсем еще подросток, маленькая, как кукла, гарпия, закатила глаза и осела на пол, подломив белое крыло. Во взгляде другой, зрелой и давно познавшей ветер, сверкнуло безумие.

Рывком распахнув крылья, гарпия стремительно взмыла к самому своду пещеры, роняя перья, а вниз обрушилось уже мягкое тело, с болтающейся головой.

Гарпии шарахнулись в стороны, не видя ничего на своем пути, неприятно захрустели перья.

– Тетя! – крикнула Аэлло. – Они изувечат себя! Прекрати!

Звонкий голос племянницы вывел Келену из оцепенения.

– Сестры!! – прокричала регентша.

Громовые раскаты голоса королевы-регентши заставили каждую из сестер замереть, точно пораженных молнией.

– Н-не сметь! – вновь прокричала Келена. – Сестрам ветра н-не пристало терять рассудок, пусть и перед лицом смерти! Пусть ветры поют о н-нас смелые песни, но не увековечат ваш н-недостойный вой! Слушайте, что говорит Подарка, н-но не теряйте достоинства! Н-не радуйте подлые сердца коварных захватчиков, чьи имена н-не достойны песен ветра! Слушайте, сестры, слушайте!

Вопли постепенно стихли.

Сложив у груди раскрытые ладони в знак покорности, сестры ветра стали осторожно опускаться на каменный пол.

– Слушаем, королева.

– Слушаем, Молниеносная Келена...

– О ветер! О, грозная королева!

– Мы слушаем!

– Слушаем!

– Слышим!

– Говори! – приказала королева Даре.

– Говори! – повторила Аэлло.

Взгляд Подарки скользнул по сбившимся в полумесяц сестрам, на мгновение задержался на зеркальцах глаз младшей, и Подарка продолжила:

– Подлый Анаким провозгласил себя королем Жемчужного Ожерелья. Правящим крылом нефелимов.

Гарпии застыли, обреченно уставившись на соплеменницу, и без того поломанные крылья повисли, как мокрые тряпки. Подарка выдержала паузу, и прошептала:

– И гарпий.

В гробовой тишине этот шепот услышала каждая.

Тут же раздались одиночные вскрики:

– Этому не бывать!

– Никогда!

– Сестры ветра выберут смерть!

– Никогда чужаку не стать Правящим крылом!

– Никогда, никогда нефелиму!

– Нет!

Длинный указательный палец Подарки повелительно коснулся узкого подбородка, и гарпии тут же замолчали. Во взгляде, который Дара бросила на Аэлло, застыло отчаянье.

Подарка сообщила обреченно:

– Получить власть над сестрами ветра ему поможет второе Правящее крыло. Анаким возьмет спутницу.

Все взгляды устремились на худенькую белокурую фигурку в грязном белом платье.

Зеркальный взгляд Аэлло прилип к изувеченному лицу сестры. Узкий, как у всех в роду Аэлло Великой, подбородок дернулся вперед, требуя продолжать. Подарка ответила долгим скорбным взглядом, потом веки ее сомкнулись.

– Он сказал, – сказала она сдавленно, – что возьмет в спутницы принцессу.

Гробовую тишину нарушил тонкий писклявый голосок:

– Мама, Аэлло станет спутницей нефилима?

Черноволосая гарпия поспешно закрыла ребенку рот ладонью, но кроха уже завладела всеобщим вниманием. Взъерошенная, нескладная, похожая на грязного испуганного цыпленка, малышка поняла, что сказала что-то не то.

Аэлло улыбнулась девочке бледными губами.

– Конечно, нет, милая, – стараясь, чтобы не дрожал голос, сказала она. – Нефилимам не видать Аэлло, «вихря». Они слишком толстые, слишком неповоротливые. Они меня не догонят.

– Что ты задумала, Аэлло? – спросила Келена.

– То, что должна, тетя, – ответила Аэлло, обращившись к узкому входу в пещеру. – Сестры!

Ее звонкий, мелодичный голос отразился от каменных стен.

– Я полечу так быстро, как смогу! Крылья донесут меня до большой земли! И я вернусь! Вернусь не одна! Я приведу за собой армию! Или найду какое-то страшное оружие! Как меч семи ветров Аэлло Великой! Или даже лучше! Я не знаю, пока не знаю, что это будет. Но это будет то, что спасет всех нас! Что выдворит захватчиков с Ожерелья! Что заставит Анакима кровью смыть оскорбление, нанесенное всем нам.

Тонкие пальцы коснулись щеки, гарпия поморщилась.

– И мне, потому что Аэлло Великой, лично!

Когда радостные крики смолкли, королева-регентша взяла Аэлло за руку.

– Аэлло, – тихо сказала она, разворачивая племянницу к себе лицом. – Н-нет. Это слишком опасно. Ты никогда н-не была на большой земле. Я н-не могу позволить.

– А кто, тетя? – спросила Аэлло.

Она упрямо дернула подбородком. Зеркальца глаз сверкнули, на белоснежные щеки пролегли тени от ресниц.

– Ты?! – поинтересовалась наследница. – Ты не пролезешь в решетку. Другие ранены, переломаны крылья. Сестры верят в меня. Волею ветра, я, кровь от крови Аэлло Великой, стану Правящим крылом Ожерелья. Я, а не подлый захватчик, взойду на Жемчужный престол! Я верну моему народу свободу. Я вырву страх из сердец.

Толстые шершавые пальцы с остро заточенными ногтями ласково потрепали Аэлло по щеке.

– Это так далеко... Иди по островам. Н-не забывай – н-немного меньше глупости, н-немного больше умности, – тихо сказала Келена. – Н-не рискуй крыльями. Береги маховые перья. Постоянно смотри по сторонам. Ты такая н-невнимательная! Н-не вертись. Не простились.

– Тетя, – тихо проговорила Аэлло и накрыла пухлую руку своей. – За того, кто в объятиях ветра, не волнуются. Помнишь?

Келена положила вторую руку на белокурую, кудрявую макушку племянницы.

Этот прямой, выразительный взгляд. Стальной, решительный блеск глаз, редкого, зеркального цвета, упрямо сжатые, тонкие губы.

В полумраке пещеры безупречное лицо племянницы совсем детское, беззащитное. Губы Аэлло дрогнули и на щеках заиграли ямочки.

Келена отшатнулась. Сквозь синяк на щеке Аэлло внезапно проступил огненный знак: круг с кожистым крылом посередине.

Старая гарпия помотала головой, словно пытаясь проснуться. На ее глазах огненный круг растаял. Вместе с ним исчез и синяк.

– Что ты, тетя? – нахмурившись, спросила Аэлло.

– Померещилось, – пробормотала Келена и снова помотала головой.

– Познавшему ветер известно все! – звонко, нараспев воскликнула принцесса.

– Познавшему ветер известно все, – повторил хор гарпий за Аэлло. А лицо тетки посветлело, точно вспомнила что-то важное.

– Н-не забывай хорошо питаться! И вовремя!

– Тетя!

– Обещаешь?

– Обещаю, – твердо сказала Аэлло.

Чмокнув Келену во влажную пухлую щеку, она не оглядываясь, протиснулась сквозь прутья решетки.

– Легких крыльев, – прозвучало вслед.

Глава 2

Строфадские, «парящие» острова раскинулись ярким, многонитиевым Ожерельем над бушующими водами Жемчужного моря. С древних времен гарпии селятся в их пещерах – бусины островов внутри полые, с одной или несколькими пещерами, настолько просторными, что по иным коридорам передвигаются по воздуху.

Когда-то Аэлло Великая вместе с тремя сестрами Келено, Окипет, Подаркой вытеснила с островов грифонов: наполовину орлов – наполовину львов. На месте обитания чудовищ образовала первое поселение гарпий.

Справившись с внешней угрозой, тут же взялась за внутреннюю: вызвала единокровных сестер на поединок, одержала блестящую, безоговорочную победу, гордо взошла на Жемчужный трон, присвоив титул королевы – Правящего крыла гарпий.

Аэлло – прямая преемница – даже по меркам гарпий, что мельче, изящнее человека, всегда была маленькой, щуплой. Но на Жемчужный трон смотрела не иначе, как с достоинством.

А сейчас худоба и вовсе сыграла на руку, позволив протиснуться между прутьями решетки. Захватчики-нефилимы, пришедшие черным грозовым облаком со стороны западных облаков, согнали уцелевших гарпий в один остров.

Распахнув крылья, Аэлло зависла в воздухе, и пристроилась на каменной приступке. Завертела головой по сторонам, и увидела, что соседний остров венчают две исполинские тени.

Не смотрят сюда, не допускают мысли, что кто-то из гарпий может вырваться на свободу.

Мощные атлетические спины синего цвета, кожистые и черные, как у летучих мышей крылья. Черные же гривы волос, и хоть нефилимы далеко, Аэлло помнит, какие страшные, свирепые у них лица.

Если заметят... Тяжелым, неповоротливым, им нипочем не угнаться за вихреподобной гарпией, но проклятые захватчики стреляют огненными стрелами. А еще они дольше не устают в полете.

Сердце поднялось к самому горлу и его нервный стук мешает дышать. Что делать? Пока она не двигается, светлая фигурка теряется на фоне серой каменистой породы. Но стоит взмыться вверх, или отлететь немного... Аэлло помнит, как ловко они обходятся с оружием, как быстры на расправу...

Теперь уже никогда не забыть застывших глаз сестер... И как мечется по тронной пещере толстая, неповоротливая королева-регентша... Тетка отважно метает в синих воинов стальные маховые перья, и они разят, разят! Оставляют ошметки от кожистых крыльев, а кого-то и пробивают насквозь! Но вот мощные, все в буграх мышц, синие руки хватают тетку за крыло и с размаху бьют об пол...

Как же быть? Она больше не выдержит ожидания!

– Не выдержу, не выдержу, – повторяют обескровленные губы.

Грозное небо оглушительно треснуло. Синие лица нефилимов поднялись к тучам, а Аэлло, сложив крылья за спиной, камнем упала вниз.

Юркой молнией гарпия сделала вираж у самой воды, зажмурилась от соленых, холодных брызг.

– Духи воды, будьте милосердны! – шепнула гарпия и понеслась над самой поверхностью, надеясь слиться с белыми верхушками.

Только не намочить крылья!

Сердце, не желающее возвращаться в грудь, кажется, сейчас выпрыгнет прямо из горла. Или она задохнется. Или ее накроет волной. Намокнут перья, она упадет. Она обязательно упадет.

Всплеск! Стрела нефилима! Погоня!

Вот сейчас, сейчас, ее настигнет следующая стрела. Пробьет насквозь. Пусть. Она упадет прямо в море. И станет пищей для рыб. Пусть. Она не достанется звероподобному Анакиму.

Где же стрела? Почему они медлят?! Она не дастся, не дастся живой!

Сердце стучало, как бешенное. Аэлло долго не решалась обернуться, а когда, наконец, взлетела повыше и перевернулась на спину, увидела лишь синюю гладь неба, да россыпь Ожерелья у горизонта. Его почти не видно из-за грозы.

Как только Аэлло поняла, что за ней никто не гонится, крылья налились свинцовой тяжестью, и гарпия спикировала на скалистый островок.

Ее затрясло.

– Ушла от погони... Неужели...

Оттолкнулась ногами от скалистой породы, гарпия взмахнула крыльями и взмыла в воздух, нацеливаясь на следующий остров.

– Иди по островам, – пробормотала Аэлло и уверенно двинулась на юг, не позволяя себе задерживаться надолго ни на одном из них.

Время и пространство слились в единую нитку бус, где бусины – клочки тверди, что упрямо возвышаются над бушующими волнами, а нить – попутный ветер.

Оборвать бусы не решилась даже на ночь. Было нестерпимо жалко себя, и больно, и тяжело. Но сердце, наконец, спустившееся в грудь, грозило подняться опять, и Аэлло летела.

Пока летела над лазурными водами, от острова к острову, охотилась на жирную семгу. Сырую рыбу пришлось есть впервые, но разжигать огонь не решилась потому, что нельзя задерживаться на одном месте.

К вечеру следующего дня впереди обозначилась полоска земли.

Заночевала Аэлло в раскидистой роще, прямо на берегу. А еще посчастливилось поймать крупного краба. Тут уже развела костер, постирала одежду.

Полночи сидела перед костром, подбрасывала в него забавные красные шишки. Оглядываясь на горизонт, вдыхала смоляной аромат и смотрела, как духи пламени в оранжевых колпачках лакомятся подношением.

Проснулась перед самым рассветом. Что не доела, оставила местным обитателям и снова отправилась в путь.

Глава 3

Аэлло широко раскинула руки, подставляя лицо ветру. Навстречу гарпии стремится восход, любовно окрашивая темные верхушки сосен в нежный изумруд. Свободна? Она свободна? Не верится! До сих пор не верится!

По правое крыло показалась небольшая, размахом в двадцать, поляна.

Легкий вираж – и Аэлло устремилась вниз, когда поляна пошла волнами, затрепетала. Аэлло растерянно зависла в воздухе, а поляна оторвалась от земли и рванула навстречу гарпии. А спустя пару мгновений оказалась невиданным существом с черными перепончатыми крыльями. Плоская, треугольная голова по-змеиному метнулась вперед.

Аэлло отпрянула, оставаясь на безопасном расстоянии. Рвануть назад – а если пустится следом? Крылья вон какие огромные, догонит. Главное не показывать, что испугалась, сейчас оно посмотрит и улетит.

Столп огня заставил Аэлло схлопнуть крылья перед собой, пряча лицо и руки. Она несколько раз крутанулась в воздухе, два пера успела метнуть в крылатую ящерицу.

Ящер трубно взревел, взмахнул огромными кожистыми плоскостями – плотная волна воздуха отбросила гарпию назад. Аэлло распахнула сверкающие крылья, замирая на месте, и лицо обожгло пламенем. Слепела, закрутилась волчком от боли... так и падала – крепко зажмурившись, испуганно сложив крылья за спиной.

Распахнула их у самой земли, чтобы не разбиться, но все равно удар вышел сильным.

Маховые перья – три из правого крыла, и целых четыре из левого, красиво спикировали следом. Сверкая в лучах солнца подобно мечам, насквозь пронзили чьи-то ржавые доспехи, что в избытке усеивают поляну.

Поначалу страшно даже шевелиться – ну как что-то сломано? Но мысли мыслями, а пока в голове крутится калейдоскоп страшных картинок, руки ощупали тело и не нашли поврежденных.

Глаза, правда, слезятся, но это пустяки. Густая чаща, что кольцом сжимает поляну, окрасила мир в темные, серо-унылые тона. Раннее утро – солнце не успело сюда дотянуться.

Аэлло привстала, опираясь на руки, огляделась, куда занесло. Вид собственных маховых перьев, украсивших стальными радугами следы побоища, заставил поморщиться.

Гарпия подняла зеркальные глаза к небу и погрозила ящеру кулачком. Тот успел превратиться в точку, исчезая в вышине, куда путь теперь заказан.

Аэлло фыркнула, встряхнулась, взмахнула крыльями, становясь на ноги. Брезгливо стряхнула с ладоней осколки костей с ошметками истлевающей черной плоти, шумно выдохнув, откинула со лба белокурую, отдающую в голубизну, прядь, пригладила кудри.

Огляделась: поляну усеивают ржавые, покрытые росой, доспехи, как грибы после дождя. Шлемы с лихо закрученными рогами, забрала с узкими смотровыми щелями, круглые ожерелья, смятые, покореженные нагрудники. Тут и там белеют кости: словно тут войско огров полегло.

Аэлло расправила крылья, замерла – не хватает шести... нет, семи маховых! Подпрыгнула, зависла в воздухе, и тут же опустилась. Для самого паршивого полета нужно хотя бы по четыре с половиной! Ничего не поделаешь, придется ждать, пока отрастут.

Еще раз окинула взглядом утрату, наморщив длинный, с горбинкой нос, принялась кусать губы.

Рука произвольно потянулась к самому большому перу, точно надеялась приделать на место. Вздохнула, все же отвела руку.

Вокруг непроходимая чаща. Сверху лес был светло-изумрудным, здесь же он почти черный. Длинные стволы в серых проплешинах стремятся в небо, и где-то в вышине трутся об него кронами. Рваные лишайники словно нарочно развешены вперемешку с седыми нитями паутины и напоминают рубище.

Аэлло пнула круглый рогатый шлем, и тот со скрежетом откатился на пару шагов.

В щели забрала мелькнула треугольная головка – медная в желтую полоску, словно причесанная на прямой пробор. Аэлло, с кислым видом изучавшая рванину лишайников, не заметила, что потревожила змею.

А когда что-то острое злобно впилося в шиколотку, было поздно.

– Ай! Зараза!

Ахнула, подпрыгивая, зависла в воздухе, но заметила лишь медный, в желтую крапинку хвост, что масляной молнией скрылся среди стволов.

Надо было в боевую форму обернуться, мстительно подумала Аэлло. Раз уж она теперь пешим ходом, пусть бы поганка все зубы обломала!

– Гадина! – крикнула вдогонку нахалке.

– Сама виновата и сама же на «гэ» ругается! Ай-ай-ай, – раздалось откуда-то сверху, но гарпии стало не до чых-то нотаций.

Лодыжка принялась пухнуть, наливаясь неприятной тяжестью.

Аэлло запрыгала на одной ноге к толстому стволу, расправив крылья для равновесия. Опустилась на подушку буро-зеленого мха, здоровую ногу подвернула, больную вытянула и принялась разглядывать.

Осторожно коснулась пальцем опухшей лодыжки. Палец прикосновение ощутил, лодыжка – нет. Странное ощущение, как покойника трогать.

Оглушительный треск заставил поднять лицо к небу. Еще недавно было чистым, синим, а сейчас закуталось в махровое покрывало облаков и, обронив первые капли, обрушилось на землю упругим, ледяным потоком.

Аэлло скривилась, словно заболел зуб, и плотнее прижалась к теплому мшистому стволу. Повозилась, ноги согнула и обтянула край платья, укрывая заледеневшие стопы. На ногах сандалики на плоском ходу из полосок кожи, пальцы побелели от холода. Враз потяжелевшие, мокрые крылья расправила над головой, прикрываясь от дождя, и принялась жалеть себя.

Глава 4

Дождь закончился так же внезапно, как и начался, оставив после себя блестящие, умытые доспехи да прелый запах сосны и влажного камня. Лодыжка распухла, ее закололо мелкими иголками, точно отсидела. Дома Аэлло приложила бы синюю водоросль – и отека как ни бывало, но здесь все новое, незнакомое.

– И долго будем себя жалеть? – снова прозвучало сверху, даже как будто над ухом.

Аэлло шуганулась в сторону, воинственно расправив крылья. Но увидев того, кто нарушил важную процедуру саможаления, застыла, наморщив длинный, с горбинкой, нос. Крылья еще пару раз расправила и сложила, поудобней.

На толстой, кряжистой ветке дуба расселся некто, в черном хитоне, с капюшоном, полностью скрывающем лицо. Ростом с трехлетнего человеческого ребенка, или с семилетнюю гарпию. И голос опять-же детский. Только интонации глумливые.

– Долго сидеть собираемся? – спросил незнакомец.

Аэлло кожей почувствовала, как он под капюшоном ухмыляется.

– А тебе что за печаль? – огрызнулась, озираясь по сторонам.

– Ну а если есть печаль? – спросило существо и коротко хохотнуло.

– Да ты кто такой?

Светлые брови Аэлло съехались к переносице.

– Я?

Снова неприятный смешок, точно он закашлялся.

– Ну, положим, местный житель. Видишь гору?

Не увидел бы отсюда, с поляны, ближайшую гору хребта, разве что недомерок-гном, поэтому Аэлло поджала губы и промолчала.

– Видишь, – миролюбиво подытожил странный житель с два вершка ростом, и закинул под черным плащом ногу на ногу. – Хотя...

– Что? – не выдержав, спросила Аэлло.

– Больно хлипкая, – невпопад ответил незнакомец. – Думаю, сдюжишь ли...

– Это видимость такая, – возразила гарпия. – Да в чем дело-то? Чего не сдюжу? По-человечески изъясняться день не вышел?

– По-человечески? А что ж, можно. Туда тебе надо. К подножию, в низину. В поселение, что на берегу. К знахарю. Левкой который.

– Мне нужно? – ехидно перебила Аэлло.

– Меня медноголовка не кусала, мне без надобности.

– Ну, укусила, и чего?

– А ничего. Ты права.

Незнакомец хохотнул.

– С крыльями – оно и без ноги можно. Запросто.

– Без ноги?!

Гарпия рывком поднялась, захлопав крыльями, попробовала ступить на ногу. Ощутимо, но в целом, терпимо.

– Что ты несешь? Уже и не болит почти...

– А чему там болеть? Яд медноголовки самый опасный из всех. Потому как живое в мертвое обращает. Ты, поди, ноги-то и не чувствуешь? А скоро чувствительность вовсе пропадет. Покроется твоя ровная да белая кожица струпьями, язвами, да трупными пятнами, то-то будет зрелище. Кхе, кхе... А там и крылья отвалятся...

– Замолчи!

Аэлло бросилась было на обидчика с кулаками, но распухшая нога подвернулась. Гарпия чудом удержалась на ногах, застыв, как громом пораженная.

– К знахарю Л-левкою?

Брови сошлись домиком над переносицей, Аэлло зажмурилась, и осторожно топнула. Подошву пронзило иголками.

– К нему, кхе, кхе, – важно прокашлял незнакомец.

Аэлло почему-то показалось, что он там, под капюшоном с трудом сдерживает радость, словно вот-вот начнет пританцовывать, потирая ладоши.

– Скажешь, Стротин послал. Старый плут мне должен.

Стоило гарпии развернуться, как сзади раздалось обиженное:

– Да куда ты, оглашенная! Не видишь, человек в беде?

– Человек? – переспросила Аэлло.

Все же развернулась и, прихрамывая, вернулась к дереву.

– Не придирайся! – сердито гаркнул Стротин и приподнял край черного плаща.

Под ним обнаружили две сморщенные лапки, одна намертво привязана к ветке дуба. Кто бы он ни был, Стротин угодил в силоч, расставленный на крупную птицу.

– Помоги, – попросил он гарпию, натягивая капюшон пониже. – Я-то тебе помог!

Аэлло хотела возразить, что не будь он сам в плену, не то, что не помог бы, а они бы и не встретились. И вообще, с какого-такого вихря... Но мысль, что кожа вот-вот покроется струпьями и трупными пятнами, сделала гарпию сентиментальной.

Крыло взметнулось серым вихрем – и разрубленная кожаная удавка опала на землю.

Не слушая благодарностей, выкрикиваемым вслед все тем же глумливым тоном, Аэлло захромала прочь.

Глава 5

Стротин сказал, поселение расположено у подножия горного хребта. Нужно продрасться сквозь чащу, и спуститься в низину.

Аэлло заметила, что сюда не проникает солнце, и неоткуда взяться траве, земля под ногами, хоть и усыпанная сосновыми иголками, все равно черная и холодная. Тут и там раздаётся скрежет уставших от долгой жизни деревьев. Земляные колодцы выпускают клубы тумана, и седые потоки тянутся над землей, норовя облизнуть стопы.

Почти утратившая чувствительность нога упорно не желает становиться ровно.

Несколько раз Аэлло упала – ветки, нависающие над головой, не дают расправить крылья, и она вся ободралась о сучки и шишки. Смотришь, смотришь на ногу, усилием воли заставляя ту стать ровно, и обязательно наткнешься лбом на мшистый ствол сосны, украсишь и без того исцарапанные щеки лишайниками.

Засмотришься вперед – предательская нога тут же подвернется, а то и угодит в яму, скрытую моховой подушкой.

Один раз Аэлло даже провалилась в колодец, словно нарочно прикрытый сосновыми ветками.

Противно хрустнуло, и в голове успело мелькнуть, уж не кости ли, а в следующий миг гарпия оказалась по пояс под землей, в цепких тисках чего-то, прикрытого клочьями тумана.

Как оказалась на свободе – не поняла, но визгу было на весь лес.

Обеими ладонями зажала рот, озираясь по сторонам. Медленно, по одной отпустила дрожащие руки, сжала зубы, чтобы не стучали, и поковыляла дальше.

Лес закончился внезапно, без предварительного просвета между деревьями, Аэлло оказалась на обрыве. На самом краю шелестит кроной высокий, развесистый дуб, корни его поднимаются над землей, словно дерево вот-вот покинет насиженное место и прыгнет вниз.

Россыпь серых домиков внизу задорно подмигивает сверкающими в солнечных лучах слюдяными глазами-оконцами. Со стороны гор поселение полумесяцем обнимает устье реки. От леса домишки прячутся за крепостной деревянной стеной. Поселение продолговатое, и сверху напоминает рыбу с голубой спинкой и коричневым брюхом.

Ноги Аэлло подкосились, и гарпия опустилась у подножия дуба, обессилено прижалась к стволу макушкой.

Тетя любит повторять, что крылья есть у каждой души.

Просто у какой-то крепче, у какой-то слабее.

Душа деревьев спит глубоким сном, без сновидений.

У животных и птиц – тоже спит, но смотрит сны.

А у гарпий, людей, прочих разумных рас душа вот-вот пробудится, стряхнет сонные окопы, и, расправив крылья, устремится в небо, в самую высь, в объятия вечного ветра.

Аэлло закусил губу, вспоминая синие раскрашенные лица, в которые ввелись ухмылки и боевые кличи. Она точно знает – им нравилось убивать...

Что их души? Спят, смотрят сны? Если вообще у таких – крылатые души? Откуда? Она спросила Келену, тогда, в пещере, и старая гарпия не ответила.

Идти вниз, людям?

А как они примут гарпию?

Аэлло поняла, что никогда не видела столько людей одновременно.

Но лодыжку вновь пронзило ноющей болью, и даже как будто тронуло синевой. Аэлло оперлась о ствол и поднялась.

Спуск, хоть и крутой, дался легче: на пустыре вновь высвободились крылья, помогая держать равновесие, и вскоре она решительно шагнула на хорошо укатанную колею.

Сверху поселение не казалось большим, но стоило подойти к крепостной стене, как приходится заирать голову, разглядывая смотровые площадки.

Их венчают рогатые железные головы, точь-в-точь доспехи, что валялись на поляне. Стражники не двигаются, словно это пустые доспехи, без людей в них.

Наверно, раньше тут был крепостной ров, но потом измельчал, высох, превратился в мелкую зловонную лужицу, через которую Аэлло перешла по длинному деревянному мосту.

Под высокой деревянной аркой прошла рядом с крытой повозкой, она катилась сразу за другой, точь в точь такой же. Разноцветные, все в пыли, ткани шелестят, полощут рваными краями.

В повозки впряжены гривастые звери, мускулы так и перекатываются под шкурами. Аэлло не сразу признала лошадей – она видела, как похожих перевозили на кораблях, но вблизи они не выглядят смиренными и грациозными. Тяжелая поступь копыт, фыркание, ржание, лиловые очи словно налиты кровью. Запах от них немного прелый, кисловатый, пахнет лугом после дождя и свежим сеном.

– Дор-рогу! Дор-рогу! – гудят люди на приступках перед повозками и машут длинными черными веревками.

– Дорогу! Посторонись, барышня!

Щелк! Прямо над головой раздался короткий треск, и гарпия отскочила в сторону, распахнув крылья.

Лошадь слева заржала, замотала мордой, и человек, что чуть не огрел гарпию кнутом, с трудом удержал вожжи.

– Ах, ты нелюдина! – тут же заорал он, брызгая слюной. – Тоже удумала, лошадей пугать! Ну, я тебя... Ты куда? Ну-ка, подойди! Подь сюды, тебе говорят!

Аэлло сложила крылья, плотно прижав их к спине, и делая вид, что все это ее не касается, устремилась быстрым шагом прочь. Скользнула на узкую улочку, вильнула вместе с ней вправо, стараясь не озираться, не глазеть на поблескивающие стены домов, камень, из которого здесь строят дома, щедро усыпан слюдяной крошкой.

Впереди раздался шум из множества голосов – туда! Там она быстро затеряется в толпе.

Оказавшись на широкой, размахов в пятьдесят, площади, непривычная к людскому шуму Аэлло сперва немного оглохла.

По левую руку тянутся торговые ряды, по правую – домики с резными деревянными табличками.

Аэлло склонила голову набок, прислушиваясь, и в едином гуле стали прорисовываться отдельные голоса.

Жадно и призывно вопят торговцы и разносчики воды, жалостливо и одновременно хищно повизгивают нищие, свистит и улюлюкает шайка подростков.

Вон нескладные долговязые фигуры гонят перед собой парочку: мальчишка в рубахе навывпуск и пухлая девчонка в длинном платье держатся за руки, улепетывая со всех ног. Чепчик девочки летит сзади, на атласных лентах. Парочка вжала головы в плечи, точно напуганные птенцы.

Запахи дыма, табака, пряностей, сырой рыбы и отхожих мест смешаны в единую едкую завесу, от нее глаза заслезились, в сжавшемся спазмом горле екнуло.

Вдоль прилавков деловито снуют дамы в белоснежных чепцах, из-под приподнятых треугольных краев спускаются длинные косы. Из плетеных корзин через руку топорщатся рыбы хвосты и пучки зелени.

Одеты здесь женщины в длинные коричневые платья, из прорезей видны светлые края и подолы холщовых камиз, почти все в белых, как и чепцы, передниках. Которые без передников

и чепцов не носят, у них волосы уложены в пучки на затылках и аккуратные завитки тянутся вдоль лица. На таких цветные платья, и края камиз украшены кружевом.

Мужчины в светлых, порой совсем белых рубахах до середины бедра, подпоясаны длинными ремешками с кистями. Штаны заправлены в высокие башмаки, на треть скрывающие голень. Но есть и те, кто в более удобной, плетеной обуви. Волосы у мужчин короткие, максимум – до плеч, многие в треугольных соломенных шапках.

Аэлло схватила за потрепанный рукав камизы благообразного вида старичка с тросточкой, в соломенной шапке конусом, с завязочками под жиденькой пшеничной бородой.

– Как пройти к знахарю? К Левкою?

– Ишь, пигалица, Левкою ей подавай – ни тебе здрасти, ни досвиданьица! Из тех бесстыжих, видать, что лекарня не угодила. Стыдно, ага? Понятно, на что тебе сдался этот прощельга, небось, плод вытравить, иль полюбовника извести, ишь, сучье племя, а ведь малолетка еще совсем!

Где-то на середине гневной тирады старичок и думать забыл об Аэлло, мелко просеменил мимо и скрылся за углом дома с табличкой над слюдяным окошком

«ТОЛЬКО СЕГОДНЯ И ТОЛЬКО У НАС!»,

потрясая в воздухе свободным кулачком, при этом продолжал отчаянно жестикулировать, ругая малолетних шалав, на чем свет стоит.

Аэлло мало что поняла, кроме того, что ее приняли за ребенка. Пожала плечами, по комплекции она и вправду человеческий подросток, а грязное, потрепанное платье, да изодранные ладони и расцарапанные лоб и щеки, видно, делают ее похожей на бродяжку.

Довольно усмехнулась – крыльев, сложенных за спиной, спереди не видно, ее принимают за свою. А то, что первый встречный оказался не в себе, не беда. Поищем кого-нибудь покрепче и помоложе.

Щеголь с подведенными бровями, в розовой соломенной шапке с цветком над ухом, обшарил хрупкую фигурку масляным взглядом, и прегадко ухмыльнулся.

– А зачем тебе какой-то Левкою, милая? Я ведь получше буду.

Аэлло сдула белокурую прядь со лба, склонила голову набок и захлопала ресницами: он что же, знахарь?

Но когда потная ладонь блудливо легла на талию, с губ гарпии сорвался короткий свист, а острые когти впились в красные щеки.

Гибкое тело лишь на миг сверкнуло сталью, но щеголю хватило и этого.

От резкого рывка шапка слетела с головы, сам же мужчина шарахнулся в сторону, приткно устремившись в боковую улочку. Аэлло вжала голову в плечи, ожидая, что он примется звать на помощь, но не прозвучало ни слова.

Тогда гарпия метнула треугольной шапкой вслед, придав ускорения. Сластолюбец не остановился, а гарпия нахмурила лоб: как найти этого треклятого знахаря, когда каждый первый здесь не в своем уме?

Третья попытка оказалась успешнее.

Ростом с Аэлло, щуплый мальчишка с сумкой, полной бумаги через плечо, сплюнул через сколотый зуб и презрительно поинтересовался:

– Больная, что ли? Или не местная?

– Я сверху по реке приехала.

Аэлло нахмурилась, постаралась подпустить в интонации взрослых ноток. Это возымело действие, правда, немного не такое, как ожидалось.

– Гоните медную монету, тетенька, – важно сообщил нахал, цыкнув сквозь зубы. – Информация – она завсегда денег стоит!

– Ах, денег...

Аэлло сделала вид, что копается в складках платья, а затем выбросила вперед руку, крепко ухватив вымогателя за конопатый нос, вмиг ставший малиновым.

– Ай! Пустите, тетенька!

– Где найти знахаря Левкоя?! Ну...

– А чего его искадь-то! Доба он, как пидь дадь! – жалобно загнусавил мальчишка. – Вона, как на Сувенирную улицу сведнете и до самом конца. Там два квартала надево ходу... Дом егойный с деревянными пристройками, не спутате! Бустите нос, тетенька, бодьно!

Отпустив нахала, Аэлло, стараясь не хромать, двинулась в указанном направлении. Оказывается, люди вежливость принимают за слабость. Учтем.

После череды резных вывесок, с картинками всего на свете – рыбы головы с обглоданными костями, гирлянды сосисок, пышная, румяная сдоба (пришлось несколько раз сглотнуть слюну), готовое платье, расчески, ножницы, нитки... навстречу Аэлло, наконец, выплыл дом с покосившимися деревянными пристройками. Гарпия просветлела лицом. Не обманул!

Решительно взялась за железное кольцо на двери. Гулко бухнуло о дерево, и снова воцарилась тишина. Попробовала еще раз – то же самое. В ход пошел узкий кулачок, но дерево гасит удары. Что же делать? И ногой не постучишь, как назло: не больной же? Может она вообще уже, как тот коротышка сказал, имя никак не вспомнить, мертвая?

Аэлло нахмурилась, вздохнула, а потом лицо озарила улыбка. Только что белая, нежная кожа кулачка покрылась стальными чешуйками, и они на всю улицу зазвенели о кольцо!

Дверь тут же распахнулась.

– Совсем больная? Зачем хулиганишь?

Знахарь оказался высоким человеком с редкими волосьями до плеч, с вытянутым лошадиным лицом в складках. Весь какой-то мятый, заспанный, во рту мелькнула золотая искра.

Въедливо окинул взглядом щуплую фигурку Аэлло.

– Ну и?

– Вот, медноголовка укусила, – сказала гарпия.

Слегка приподняла подол белого платья и выдвинула ногу вперед.

Красноватые, в редких ресницах веки смежились. Длинное лицо помоталось из стороны в сторону, играя складками. Аэлло следила за этим ритуалом, склонив белокурую головку набок. Наконец, знахарь разлепил веки и вновь уставился на незваную гостью, и голова гарпии приняла вертикальное положение.

– Ну и? – снова спросил знахарь и икнул.

Не то не проснулся, не то не проспался.

– Противоядия бы! – гаркнула гарпия ему в лицо.

– От чего?

Узловатые пальцы принялись скрести ежик щетины на худой провисшей щеке, затем, переместившись на самую макушку, принялись ворошить сальные пряди.

– Медноголовка, говорю, цапнула! – повторила Аэлло, решив запастись терпением.

Знахарь вновь недоверчиво оглядел ее.

– Не из наших, что ли? – спросил он, наконец.

Гарпия вдохнула полную грудь воздуха. Выдохнула. Приготовилась биться за пострадавшую ногу до конца.

– Послушайте, – сказала она, стараясь говорить медленно, ровно. – Я не из ваших. Я даже не знаю, кто такие ваши. Я летела, потом встретила чудовище и упала. Это неважно. Меня укусила змея. Опасная змея! Медноголовка! Яд! Он все выше и выше, помогите, пожалуйста! Мне сказали, вы поможете, вы знахарь!

– Летела? – переспросил знахарь и вновь поскреб затылок.

Аэлло обреченно кивнула.

– Летела.

В маленьких в красноватых прожилках глазках мелькнуло что-то новое, похожее на мысль.

– Стой! Ты гарпия, что ли?

– Гарпия! – радостно воскликнула Аэлло и часто закивала.

В подтверждение развернула и свернула крылья.

– Я гарпия и меня укусила змея!

– Я от Стротина! – выдохнула она, вспомнив, наконец, имя того, кто направил ее к этому непонятливому знахарю.

Левкой снова поскреб затылок. Но как-то преобразился – словно обнаружил слиток золота, или самоцвет там, где меньше всего ожидал.

– Вот оно что, – задумчиво проговорил он, и тонкие желтые губы расплзлись в улыбке, явив гниловатые зубы и золотую фикса. – Вот оно, значит, как... Стротин, значит, решил со мной расплатиться. Ну-ка, – сказал он Аэлло, хватая ее за руку.

Пальцы знахаря оказались твердыми, цепкими, и как будто подрагивают от предвкушения чего-то.

– Пойдем, что ли!

В доме знахаря сильный запах горелого дерева и козлятины. Нет, скорее так пахнет сырая кожа, а еще лекарственные травы и порошки.

Миновав две комнаты с длинными столами, уставленными разноцветными склянками, с низкими сундуками вдоль стен, знахарь и гарпия спустились по деревянной лестнице. Прежде, чем шагнуть в темноту, Левкой подцепил со стола чадающую лампу.

Знахарь нетерпеливо тянул Аэлло за руку по темному коридору, тревожно сверкающему слюдяной крошкой.

Осторожно, но решительно Аэлло высвободила руку, и, прихрамывая, заковыляла следом. Что Левкой имел в виду, когда сказал, что Стротин решил расплатиться? Помнится, Стротин поведал, что это знахарь ему должен.

– А Стротин, – осторожно спросила Аэлло. – Он кто?

– Стротин-то? – переспросил знахарь, и даже остановился, обернулся, вон, как Аэлло его удивила. – А ты не знаешь, что ли?

Аэлло показалось, что в самом вопросе таится подвох. Гарпия почувствовала себя обманутой. Но каким образом ее обманули, непонятно.

Знахарь улыбнулся, вновь обнажив желтые зубы.

– Так дрекавац он. Стротин-то.

Дрекавац? Аэлло раньше не встречала этого племени, но кто не слышал об их бессовестной подлости? Угораздило же послушаться совета лесной нечисти! Гарпия задрожала, бросила взгляд на ногу.

Щиколотка, кажется, уменьшилась? Или всему виной неверный свет лампы?

– Я, пожалуй, пойду, – стараясь, чтобы голос звучал решительно, проямлила Аэлло.

– Как?

Знахарь принялся скрести небритую щеку, похоже, раздумывая, что бы такое сказать.

– А нога?

– А что нога?

– Я помогу, что ли.

Аэлло склонила голову набок.

– А вы точно знахарь?

– Да как совести хватило-то, усомниться!

Левкой даже сплюнул с досады.

– А ведь пришли! Противоядие от укуса медноголовки ни на свету, ни в теплоте не держат. И откуда мне бы это знать, кабы я не знахарь? То-то!

Левкой подошел к высокому деревянному шкафу, дернул за ручку, и дверца жалобно скрипнула ему навстречу. Принялся шарить дрожащими руками по пыльным полкам, пока не подцепил маленький бутылек темного стекла.

– Да вот же оно! – победно провозгласил он.

– Пей, – повелительно сказал знахарь гарпии, протягивая бутылек.

– Что это? – спросила Аэлло, приносясь.

Запах полынный, горький, с нотками чего-то кислого и вроде как барбариса.

– Что просила, – ответил знахарь и пожал костистыми плечами. – Противоядие от укуса медноголовки. Пей уже, что ли!

Аэлло осторожно сделала глоток – кисло. Второй, третий... В носу защипало, а пол подпрыгнул и устремился к самым глазам. Щеку ударило что-то холодное, твердое, сырое.

Стены качнулись и поплыли. Гарпия не сразу поняла – ее тащат по темному коридору. За ногу, лицом вниз. И ни крылья не расправить, ни чешуей покрыться... Даже пальцы не слушаются.

Запах кожи и лекарств усилился. Глаза – единственное, что слушается. Аэлло подняла взгляд вверх. Если бы губы разжались – заорала бы. Не разжались.

Мимо медленно проплыло чучело белого, с гарпию, голубя. У птицы круглые стеклянные глаза в человеческих ресницах. Еще один...

А вот странный разноцветный орел... Горбатый оранжевый клюв крючком, топорщатся желтые перья, крылья на концах отдают синевой.

Снова голубь со странно выгнутым клювом, точно птица поет, или говорит что-то.

Чучело пятнистой кошки... почему-то с телом женщины, только покрытым шерстью. Пальцы заканчиваются железными когтями, с развернутой ладони свисает гроздь винограда.

Потом... мама! Следующее – чучело гарпии со страшными, по локоть отрубленными культиями рук. Черные прямые волосы, широко распахнутые крылья. Провалы глаз сверкают зелеными бусинами. Видно, бедняжка попала в какой-то чудовищный капкан, безвозвратно изуродовавший ей кисти рук и стопы... Потому что сидит гарпия на хищно расставленных птичьих лапах...

Ком дурноты в горле перекрыл воздух, в глазах потемнело. Сначала был еще тонкий звон, затем и он исчез.

Глава 6

Резкий взмах крыльев. Вверх! В самую синеву. Чем выше Аэлло поднимается, тем ясней – небо – оно никакое не темное... Оно светлое, и свет этот слепит глаза.

Не смотреть вниз! Только не смотреть вниз!

Почему?

Никак не вспомнить.

Выше! Скоро все будет позади. А что – все? Отсюда, с изнанки, небо кажется мантией доброго чародея, усыпанной искрами звезд. Выше!

Не смотри вниз! – мысленно говорит себе Аэлло, но мысль тянется слишком долго, и гарпия медленно, как во сне, опускает голову.

В тот же миг из горла вырвался надрывный крик. Стоило открыть глаза и увидеть ржавые крючья, торчащие из стен, вдохнуть запахи мокрой кожи и лекарственных порошков, как Аэлло вспомнила.

Рот тут же заткнула пыльная тряпка. Горькая, едкая – по щекам хлынули потоки слез.

– Помолчи, что ли, – почти миролюбиво попросил знахарь.

То есть, какой он к вихрю, знахарь?!

С темного потолка свисают руки, ноги, какие-то обрывки кожи и волос, длинные, разноцветные перья. Рядом, на крючьях болтается силуэт... Аэлло не может повернуть голову, увидеть, что это. То есть кто. Шея все еще не слушается. А могла бы – не повернула. Край глаза захватывает лишь перепончатое крыло.

Зато хорошо видна пара крючьев, свободная.

Левкой не спеша приблизился к ним, принялся протирать. Каждый его жест, каждая складка на длинной, в желтых и бурых пятнах, хламиде, что шевелится в такт движениям, говорит о том, что знахарь не спешит, наслаждается процессом.

– Га-ар-пи-и-я, – пропел он и оглянулся.

Умильный взгляд прошелся по длинным стройным ногам, по веточкам рук, задержался на обескровленном, безупречном лице.

– Надо же, – сказал он. – И крылья целые! Только маховых перьев не хватает... Не беда! Перья-то у меня есть. А с гарпиями не везет. Гладенькая, молоденькая... У-ух! Невиданная удача!

– Мм-м, – промычала Аэлло.

– Ты думаешь, будет больно, что ли? – спросил Левкой. – Точно я зверь. Вот честно скажи – ну разве что-нибудь чувствуешь? А? Молчишь? Правильно молчишь. Нельзя кричать. Слышно.

– Мм-м!

– Вот больнее, чем сейчас не будет, – пообещал живодер, и собрал сальные волосы в низкий хвост. Снял со стены серый, в бурых пятнах, фартук.

– Вообще странно, что ты до сих пор орешь, – доверительно сказал он гарпии и медленно, аккуратно надел длинные, по локоть, перчатки. – Крепкая. А так и не скажешь. Кожа да кости. Непонятно, в чем душа держится. Ну, душа-то твоя мне без надобности. Я ее, душу-то, вовсе не держу. Ты думаешь, Левкой только о себе и печется, что ли. А вот и нет. Кабы я только о себе думал, нипочем в яд не добавил сладкой пыльцы. Мало что вкусно – так и чувственности лишает. И тебе хорошо, птичка, и мне не мешаешь. Ощущать-то может, и будешь что... Для сохранности кожи быстро никак нельзя тебе умирать, ты уж прости. А вот только боли точно не будет. В этом мое тебе честное слово.

Левкой подошел к Аэлло, поводит руками над спиной. Гарпия поняла – крылья складывает.

– Ах, ты ж, гoblin, – выругался сквозь зубы. – А я ты вот так... То-то.

Подхватил хрупкую фигурку за талию, комната качнулась, и взгляд уперся в каменный пол. Шею не держу, поняла гарпия.

Когда раздался чмокающий хруст, Аэлло не сразу поняла, что это крюк вошел под ребро. По сопению Левкой догадалась, что что-то неладно. А потом бок словно огнем опалило. Обманул, что больно не будет!

– Мм-м-м!

– Не мычи! – строго сказал Левкой. – Отвлекаешь.

И вновь запыхтел.

Больно, мама! Как же больно!

– Мм-м-м!!!

– Левкой! Левко-ой! – прозвучало откуда-то сверху. – Ты где?

– Где, где, – прошипел Левкой и с досадой сплюнул. – Нету меня!

– Мм-м-м!

– Ты-то еще помолчи, что ли!

От злости дернул сильнее, и боль, должно быть, оглушила гарпию.

Потому что уже в следующий миг чьи-то холодные пальцы взяли ее за подбородок, поднимая лицо вверх.

Лицо перед Аэлло уже другое. Суховатое, испещренное морщинами, но не кажется старым. Темные, вьедливые глаза пронзают насквозь, точно заглядывают в самую душу, борода черная, с проседью.

Незнакомец встретился глазами с гарпией, и черные кустистые брови нахмурились, рот исказило гневом:

– Ты что же, старый плут, смел послушаться? За старое?! – крикнул он в самое лицо Аэлло, так громко, что ее обдало упругой волной воздуха и запахом чего-то терпкого, травяного.

– Мм-м-м! – промычала гарпия и часто заморгала.

Но незнакомец уже отпустил ее подбородок и перед глазами вновь закачался каменный, в бурых ржавых разводах пол.

– Ваша милость, – раздался лебезящий голос Левкой. – Так ведь я – ни сном, ни духом.

– Подлец! Негодяй! Разве я плохо объяснил? Твой гнусный промысел не должен касаться живых!

– Да какая же она живая, мастер? Дохлая совсем она, как пить дать! Таковую и нашел, в лесу, под дубом лежала!

– Лежала?!

– Да не бежала же, ваше чрадодейшество, конечно, лежала, истинным знанием, мастер, истинным... А что, неужто живая?

– Мерзавец!

Пол перед глазами опять качнулся, мелькнула ржавая цепь, вслед за ней выплыло коричневое скорбное лицо с сомкнутыми веками, за которыми угадываются провалы вместо глаз. Затем показался Левкой: подбородок знахаря ходит из стороны в сторону, узловатые пальцы трясутся. Вроде бы он что-то говорит, но как же больно... Мамочка!

– Да куда вы ее, мастер! Она не жилец! Полный стакан бахнула! То есть... Я вовсе не это хотел сказать. Я только предположил, что отравили ее... Враги! У, изверги!

Не важно... Все неважно... Только бы это прекратилось!

Словно сквозь вату, донесся ровный, спокойный голос:

– Бедное дитя... Тише, птичка, тише. Все позади.

И Аэлло поняла, что этот человек больше не гневается.

– Кто вы?

– Зови меня чародей.

Чародей одет в черный плащ, капюшон откинут за спину. Рядом, на сочной, в облачках кашек, траве лежит длинный посох с белым камнем в набалдашнике.

– Наелась? – спросил он и улыбнулся.

Аэлло опрокинула в раскрытый рот остатки молока из высокой бутылки темного стекла, вытерла холщовой салфеткой губы и кивнула.

Они расположились на окраине поселения. Не у крепостной стены, а у ручья, что весело журча, впадает в реку.

Чародей посыпал мелкими синими крупичками раны Аэлло, и они, запузырившись, затянулись, не оставив и следа на коже. На язык аккуратно легло несколько кристаллов – и к гарпии вернулась способность двигаться.

Затем чародей терпеливо дождался, пока мелкие белые зубки разделяются с румяной булкой. Лишь подвинул поближе бутылку с молоком.

– Спасибо, – искренне сказала ему Аэлло.

Все не верится, что страшный подвал-живодерня позади, будто привиделся гарпии.

– Погоди благодарить, – сказал чародей. – Мне кажется, это не все, чем я могу помочь тебе, дитя. Расскажи, как произошло, что ты угодила в руки Левкоя. Я вижу по белому пуху твоих крыльев и серым перьям – ты из северных сестер. С Ожерелья, что над Жемчужным морем?

Аэлло вздрогнула, захлопала пушистыми ресницами. Перед мысленным взором заскакали по небесной тверди бусины родного Ожерелья – вот они всего на расстоянии взмаха крыльев, но с каждой секундой все дальше и дальше... Словно что-то тянет назад, на большую враждебную землю.

Глаза предательски защипало, в горле стал ком.

Гарпия вдруг поведала чародею все, без утайки – о захватчиках-нефилимах, о свистящих пылающих стрелах и тяжелых костяных набалдашниках палиц... О том, как умирали сестры, о доброй толстой Келене, что томится в плену, а когда волнуется, всегда немного заикается. И как помогла подлому Стротину, а он, сволочь неблагодарная, отправил ее прямо в лапы к извергу.

– И люди, – прорыдала Аэлло, всхлипывая. – Они такие... такие... Злые! Вот!

Она шмыгнула носом.

– А я. А меня же ждут! Тётя, сестры! Их убивали, насильовали. И Анаким. На Жемчужном троне Анаким, понимаете?! А что я смогла! Я недостойна, недостойна! Тёти, сестёр! Великого имени, – прорыдала Аэлло и шумно высморкалась. – Предательница! А у него гарпия. Без рук, без ног! И вместо глаз зеленое стекло! У-у-у!

– Плачь, дитя, – раздался тихий голос, и рука чародея ласково легла на белую кудрявую макушку. Аэлло вздрогнула. Таким жестом сестры ветра благословляют друг друга.

– Слезы смоят обиды, и крылья твоей отважной души окрепнут.

Оттого, что чародей так добр, и оттого, что говорит с ней на языке сестёр ветра, бедная Аэлло и вовсе разревелась в три ручья.

– Ты молода, а уже познала несправедливость, проистекающую от несовершенства мира, – сказал чародей, когда рыдания, наконец, утикли. – Но сейчас ты поймешь очень важную вещь, Аэлло. Может быть, самую важную в твоей жизни. Проклятье может стать благословением, ибо это лишь две стороны одной монеты. По сути они одно, все зависит лишь от угла зрения.

– Я не понимаю, – прошептала гарпия.

– Я объясню, дитя, – сказал чародей и растянул в тёплой улыбке рот.

– То, что нефилимы захватили твой дом – горе. Это неправильно, потому что жизнь нам дана не для страдания, но для осмысления вечности. То, что первый встречный подло обманул тебя – тоже неправильно. И что ты угодила в хищные лапы мерзавца и проходимца Левкоя – тем более. Но заметь – только так, и только в это самое время и в том самом месте ты могла встретить меня! И я не просто помог одной маленькой крылатой девочке, как это может показаться с первого взгляда, нет. Я дам тебе то, за чем ты прилетела на большую землю!

– Вы дадите мне боевой артефакт, и я одолею нефилимов? – с придыханием, боясь повредить своему счастью, спросила Аэлло.

Он же чародей! Он все может! У гарпии даже голос сорвался.

– Лучше, – рассмеялся чародей. – Я дам тебе Золотой Талисман. То есть ты сама найдешь его. Я лишь укажу тебе путь.

– Золотой Талисман?

Голос гарпии дрогнул.

– Что это?

– То, что сделает одну маленькую крылатую девочку самой могущественной гарпией этого мира. То, что позволит истории запомнить ее великой свершительницей. То, что вернет несправедливо отнятое право Правящего крыла.

– Но... как я найду... его?

– Через три дня Золотой Талисман упадет на вершину Радужной горы. Ты должна поспешить, девочка.

Твердые сухие пальцы осторожно взяли узкий подбородок, поднимая заплаканное лицо. Ноздрей Аэлло коснулся запах трав и надежды.

Черные пронзительные глаза впелись в юное лицо гарпии. Чародей ласково улыбнулся и тихо, но твердо сказал:

– Легких крыльев, Аэлло!

Глава 7

Хорошо желать легких крыльев тому, у кого они есть!

Обводя растерянным взглядом торговые прилавки и плитку мостовой, с унылым видом заглядывая в окошки с цветущей геранью на подоконниках, Аэлло мысленно продолжала диалог с чародеем.

Ему-то что – улетел преспокойно и без крыльев, оседлав ветер. А будущая великая свершительница осталась.

Морща нос от непривычных человеческих запахов, натываясь время от времени на бурчащих прохожих, Аэлло во второй раз за сегодня забрела на базар.

– К Радужной горе? – переспросил толстяк с красными щеками и пронзительными голубыми глазками.

Торговец облокотился о высокий прилавок, подперев рукой подбородок, задумчиво сдвинул в сторону пару мелких сухих рыбешек.

Из всех торговцев у этого вид самый добродушный. Человек распрямил спину, поморщился, и, приподняв соломенную шапку конусом, протер потную лысину тряпочкой.

Терпеливо ожидая ответа, Аэлло успела трижды склонить кудрявую головку набок и поднять ее вертикально. Трижды распахнула и свернула крылья, развлекая местную публику, благо торговый день бежит к концу, толпы нет, лишь изредка споро семенит между прилавками хозяйка в белом чепце.

Другие торговцы зашушукались, глядя на крылатую незнакомку. Пользуясь отсутствием покупателей, сгрудились за прилавком толстого торговца, принялись сопеть и напирать. Аэлло делала вид, что все это ее не касается, продолжая преданно есть человека глазами.

Когда уж отчаялась дожидаться ответа – передвинув поочередно каждую рыбешку на прилавке, торговец вновь принялся за лысину – он, пожевав губами, важно ответил:

– К Радужной горе тебе лучше через Цац добираться.

Остальные загомонили, перебивая друг друга.

– Так тебе к горе, что ли?

– Так бы сразу и сказала!

– Это через Ладу, иначе никак!

– Но через хребет оно быстрее вышло б! Потому как напрямую.

Толстый торговец обвел соседей недовольным взглядом и пробасил:

– Да какой хребет! Как ей напрямую?

Тот, кто советовал напрямую, обиделся:

– Как-как! Крылья, что ли, не видел? По воздуху, значит, по-другому то никак!

– Через Ладу, через Ладу ей надо!

Аэлло растерянно хлопала ресницами, пока они спорили, переводя взгляд с одного на другого, и, наконец, не выдержала.

– Погодите! – взмолилась она, поднимая распахнутую ладонь ко лбу.

Грубовато, но что остается, когда прижатый к подбородку указательный палец должного эффекта не произвел?

Головы торговцев обернулись к ней. Некоторые и вовсе заморгали, точно успели забыть, с чего, точнее, с кого начался спор.

– Так через Цац, через Ладу или через хребет? И почему напрямую нельзя?

Торговцы опять заговорили было все разом, но тот, первый, зычно цыкнул.

– Тихо! Дайте же сказать толком!

В возникшей паузе он продолжил:

– И через Ладу, потому как она сперва, и через Цац. Там уж хребет перелетишь. Потому так безопаснее. Если сейчас сиганешь, лететь тебе по самым диким местам. Драконы в наших краях шалют, и не укроешься – плоскогорье. А у Цаца хоть и горы выше, так и укрыться есть где зато. Ты-то по воздуху, тебе вышина не преграда.

Что верно, то верно. Совет дельный.

– Там долина с озерами будет. Штук десять их, рассказывают. А за ними и твоя гора.

– А кто такие драконы? – спросила Аэлло.

– Неужели драконов не знаешь? Вот чудная! – загомонили хором, и толстяк хлопнул широкой ладонью по прилавку. Сухие рыбешки, те, что поменьше, подпрыгнули. Снова воцарилась тишина.

– Не знаю, – пробормотала Аэлло. – Может, и встречала, я не уверена...

– Когда встретишь – поздно будет, – сказал торговец, поджимая губы.

Он умаялся, пока говорил. Снова взял тряпочку, вытер на этот раз лоб.

– Спасибо, – сказала ему Аэлло.

– Взять бы с тебя медяк за добрый совет, – сказал тот, кто не проронил ни слова. Маленький, чуть не с Аэлло ростом, приземистый, взгляд исподлобья, чуть не подпрыгивает из-за высокого прилавка.

– Пустое.

Толстяк махнул рукой.

– Нешто за разговоры с девчонок деньги брать.

Маленький не пожелал уняться:

– А перья! У них перья острые! Вот бы тебе на нож, сносу такому нет. Говорят, и доспех пробивает.

Аэлло еле сдержалась, чтобы показать, правду говорят. Пальцы даже скользнули назад, по гладкому сложенному крылу. Доспех доспехом, а соломенную шапку, что торчит над прилавком, тоже пробьет. Легко. Но все же отвела руку. В конце концов, ей помогли. Значит, среди людей есть разные.

– Бывай, девочка, – добродушно сказал ей толстяк. – Заболтались мы с тобой, а ведь пора и отдохнуть. Вон, видишь, флаг-то на ратуше синий.

Аэлло оглянулась и увидела, на шпиле башенки, что высится над солидным желто-красным зданием, полощется на ветру синяя тряпка.

– Значит, все, работать больше не моги, пора честь знать.

Толстяк улыбнулся и подмигнул ей.

– И правда, – поддержал нестройный хор соседей.

Торговцы принялись расходиться. На Аэлло оглядывались, но уже без прежнего интереса. Значит, гарпии здесь не такая и редкость, подумала Аэлло.

Развернулась, и пошла напрямик через площадь по направлению к яркому, сверкающему на солнце слюдяной крошкой, зданию.

Ратуша подмигнула узкими вертикальными окнами, поманила гарпию ближе. Торговые ряды закончились, дышится легче, тут и там слышен цокот копыт, скрип колес, нестройные крики. Временами раздается пощелкивание кнута, разрезающее гул, покрывалом устилающий площадь.

Аэлло принялась с интересом разглядывать эту самую ратушу – высокая, со ступенчатой крышей, кладки желтого и красного кирпича. Грубовато, но красиво.

Не заметила, как угодила во встречный поток нарядной толпы. На женщинах чепчики с розовыми лентами под подбородком, и неудобные бочкообразные платья, зауженные к низу. Мужчины в ярких, пестрых жилетах поверх светлых рубах, дети с полосатыми леденцами в липких ладошках. На лицах предвкушение чего-то, раздается смех.

До Аэлло долетают обрывки начатых разговоров:

– Зверинец! Зверинец!
– Неужели сам Салье?
– Ага, да с диковинками!
– Потом в Цац, говорят, едут...
– До вечера простоят.
– Говорят, и дракон есть!
– Сладости! Сладости для огромной радости! – проорал Аэлло прямо в ухо разносчик леденцов и вертушек.

Гарпия взвизгнула, отскочила в сторону. Подвернула ногу, споткнулась, неловко отступая еще на шаг. Обернулась на приближающийся грохот, и заорала от ужаса: прямо на нее несется огромный черный конь, за ним грохочет, подпрыгивая, тележка. Животное приближается с такой скоростью, что даже Аэлло понятно – не успеет остановиться. Вблизи, да еще в движении, оно еще страшнее, должно быть, куда страшнее грифонов из древних песен.

– Мама! – пискнула гарпия, когда что-то налетело сбоку, сбило с ног, подмяло под себя. Мимо пронеслось исчадие тартара, громыхая тележкой.

– Очумела? – шумно выдохнув, спросил тот, кто сбил гарпию с ног. – Чего под копыта бросаешься?

И оказался русым вихрастым парнем, короткостриженным, челка скрывает лоб, с широкими бровями вразлет и круглыми голубыми глазами. Оттопыренные уши делают лицо еще более вытянутым, длинный, острый подбородок. Совсем юный, вон, пушок над губой. Белая рубаха, пояс с кистями, штаны серые, как будто присыпанные чем-то.

– Я, – пролепетала Аэлло, – я растерялась.

– Растерялась, – беззлобно пробормотал мальчишка. – Сама-то цела?

– Да, кажется, – неуверенно пробормотала гарпия, обтягивая подол, открывший колени при падении. Ладони в каком-то белом порошке, мягком, немного шершавом.

– Ну, вставай тогда, чего лежать, – сказал парень и поднялся первым, протягивая Аэлло руку.

Вокруг собрались было любопытные, но увидев, что ничего интересного не намечается, вновь заспешили по своим делам.

Гарпия ухватилась за широкую, как лопата, руку, поднимаясь.

Парень хоть и юный, но уже высокий, гарпия ему еле до груди достает, и очень крепкий, с широченными плечами. Нет, не мальчишка, как сразу показалось.

Продолжая разглядывать своего спасителя, задрал голову, Аэлло спохватилась:

– Спасибо!

– Да это ладно, – ответил парень и махнул рукой. – Не зевай больше.

– Я задумалась.

– Задумалась, – передразнил парень гарпию, широко улыбаясь, сверкнул белыми зубами. Аэлло не ответила, насупилась.

– Не злись, – все еще улыбаясь, попросил он. – О чем задумалась-то?

Тон парня снисходительный, покровительственный, и это не понравилось гарпии. Ах, я же для них подросток, вспомнила она. Он, должно быть, думает, что старше меня.

– Мне в Цац надо, – все-таки сказала она. – Как можно быстрее. А как – не знаю.

– В Цац, – повторил парень и почесал кончик широкого носа. – Это ты тогда зря с ярмарки ушла. На лошади ездить умеешь?

Гарпия быстро покачала головой.

– Ну и зря!

Заметив, что белокурая незнакомка вот-вот обидится, продолжил:

– Хотя ладно. Цац недалеко. На хорошей лошади, оно и за день можно. А если с торговцем каким, в процессии... За два дня доедешь. Потому что лес объехать надо будет, по широкой

дороге. Из торговцев завтра в Цац Клайс отчаливает, да Мика. Я бы тебе посоветовал к Мике пристать: у него охраны больше, кони резвее. Хоть и возьмет он на серебришку дорожку, а все же надежнее.

На серебришку! Гарпия вспомнила, что денег у нее нет! Вот беда! С досады спросила немного грубовато:

– А ты-то откуда все знаешь?

– Я здесь всех знаю, – добродушно ответил парень и развел руками. – Я тут, у пекаря, подмастерьем.

Так вот что это за белый порошок! Он сам весь в муке и ее обсыпал.

– Такой детина в пекарне?

Аэлло вытаращила зеркальца глаз, захлопала ресницами. А когда спохватилась, было поздно. Обидела.

– Я пекарю жестяные листы изготавливаю, – буркнул парень.

Аэлло постаралась загладить вину.

– Я не то имела ввиду. Я хотела сказать, что ты большой. Видно, что сильный.

Добавила, чтобы понятно было.

Парень недоверчиво прищурился. Похоже, раздумывал, прощать или нет.

– Я бы на твоём месте в наемники пошла, – мечтательно сказала Аэлло. – В путешественники.

– Знаешь что, – воскликнул парень возмущенно. – Ты меру-то знай!

Гарпия заморгала.

– Думаешь, если красивая, имеешь права мужчину учить?

Развернулся и скрылся в толпе. Обиделся.

Ладно, вихрь с ним. Не до того сейчас. Взглянула на небо – розовая полоса окрасила нижнюю треть, солнце скоро сядет. День, оказавшийся таким долгим, заканчивается. Значит, завтра придется выдвигаться пешком. Надо будет только спросить у кого-нибудь дорогу. Лучше снова у того торговца, вон его осиротевший прилавок. А заночевать можно и на берегу, там, где они с чародеем сидели. В реке полно рыбы, она разведет костер. Стоило подумать о еде, живот жалобно сжался. Обещала же тетке вовремя питаться!

– Настоящий дракон в зверинце! – раздался азартный мальчишеский голос.

Мимо рево проскочила стайка мальчишек, галдящих наперебой.

– Да ты что?

– Я тебе говорю! – донеслось до Аэлло.

– Огромный, с крыльями!

– И огнем плюется, что ли?

– Плюется, а как же не плевать!

Гарпия насторожилась.

Огромный, с крыльями, огнем плюется. Как они сказали – дракон? И торговцы о драконах говорили.

Куда они?

Уж не родственник ли там того чудовища, что оставило ее без маховых перьев?

Нарядная разномастная толпа течет в одном направлении, все наперебой говорят о каком-то бродячем зверинце. Наверно, этот зверинец и привез с собой крылатого ящера.

Аэлло не успела додумать мысль, а ноги уже двинулись в том же направлении, что и толпа.

Вокруг шелестят юбки, звонко цокают о камень деревянные каблучки, на лицах – радостное предвкушение.

– Зверинец! Зверинец, бродячий зверинец! – раздаются восторженные вопли со всех сторон.

Наверно, зверинец, это что-то в высшей степени грандиозное, решила Аэлло и прибавила шаг.

Восторженный рев впереди идущих возвестил о том, что она почти пришла.

– Какой огромный!

– Да он ростом с дом!

– Вот это да!

Аэлло подняла глаза, в надежде увидеть пресловутого дракона, плюющего огнем, но оказалась разочарована.

Над толпой возвышается крупный, но и только, коршун. У него клюв крючком и рябая шея, круглые янтарные глаза недобро сверкают. Голова птицы черная, черные же и сложенные крылья, а вот грудь белая, но ошипанная и грязная.

Какой-то мальчишка бросил в птицу огрызком яблока.

Коршун распахнул крылья, забил ими, толпа с восторженным воплем подалась назад. Аэлло увидела, что птицу держит корабельная веревка, змеей обвивающая лапу. Как коршун ни старался взлететь, не вышло. И это особенно радует публику.

Те, кто постарше, держатся позади, а бесшабашные мальчишки только что на руках перед птицей не ходят. Особенно старается толстый рыжий мальчик в коричневой куртке и зеленых коротких штанах. Он скачет на одной ножке, делает птице «нос» из пальцев, высовывает язык, выкрикивая при этом обидные вещи.

Аэлло брезгливо отвернулась.

Дураки! Бессердечные, глупые, злые!

Связать того, кто рожден летать! Держать у земли! Чем они лучше нефилимов!

Отчаянно работая узкими плечами, Аэлло стала выбираться из толпы. На дракона смотреть расхотелось.

– Фэйри! Настоящая лесная фэйри! Страшная и ужасная, злобная и опасная лесная разбойница! Такой ужасной твари вы больше нигде не увидите! Всего медный грош за просмотр!

У Аэлло нет медного гроша, и смотреть на кого бы то ни было, после несчастной птицы нет никакого желания, но маленькую, легкую, как перышко, гарпию подхватила толпа и понесла на визгливый голос.

Опомнилась она, когда оказалась перед круглым деревянным помостом, что жадно обступили люди. Отовсюду раздаются крики, звучит смех, улюлюканье.

На помосте стоит невысокий человек, похожий фигурой на грушу: узкие плечи, объемное пузо. Человек одет в клетчатый желто-коричневый сюртук и в клетчатую шляпу котелком. Это его визгливый голос раздается над толпой, он кричит во всю глотку о лесной разбойнице. У ног человека стоит железная клетка. Отсюда не видать, что за существо в ней, и Аэлло пробила себе путь с помощью острых локотков, оказавшись в итоге перед самым помостом.

В железной клетке с куполообразным верхом, сжавшись, сидит нечто, то есть нечто. Голый, грязный, он обхватил руками-ветками острые колени, на них же опустил лысую голову. За спиной колышутся цветные обрывки. Как выглядели крылья существа раньше, Аэлло не представляет. Она никогда не видела фэйри.

– Самое страшное, самое ужасное страшилище семи королевств! Только сегодня и только для вас! Всего медный грош, почтенные, всего медный грош за этого страшного и опасного уroda!

– Мама! – раздался капризный детский голос, – Почему страшилище не смотрит на меня?

В клетку полетел недогрызенный леденец.

– Эй! Ублюдок! – прошипел человек на помосте и звонко ударил по железным прутьям клетки прутом. – Покажи уважаемой публике свою мерзкую рожу, или, клянусь дедушкой-рыцарем, я сбрую остатки твоих поганых крыльев!

Фэйри подняла, точнее, поднял голову. Острые оттопыренные уши, темные глаза в пол лица, нос кнопка, страдальческая складка тонкогубого рта. Ростом он чуть меньше младенца-гарпии.

Очередной удар по клетке, и фэйри вздрогнул, оскалился, показав жаждающей толпе острые зубки.

– У! Страшилище! – раздались восторженные крики.

И опять особенно беснуются дети. Оттягивают уши в стороны, корчат «страшилищу» рожи, пучат глаза, свистят. У Аэлло чувство, что она все еще там, возле несчастного коршуна.

На помост вскочил рыжий мальчишка с медным подносом в руках, побежал вокруг, держа сверкающий блин на вытянутой руке. Толпа принялась щедро швырять на поднос мелочь.

Мальчишка остановился перед Аэлло.

– Пожалуйте, мисс, на прокормление опасной зверюги.

Аэлло захлопала глазами, только сейчас вспомнила, что денег-то у нее нет.

– Эй, девчонка! – разозлился человек на помосте, – ты глазеешь дольше всех! А ну, живо плати! Здесь тебе нет дармовых зрелищ!

Аэлло ощутила, как дыхание перехватило от гнева. Руки сжались в кулачки.

– А ну! – крикнула она, и толпа притихла. – Отпустите его сейчас же!

Аэлло была готова к чему угодно, но только не к смеху. Расхохотались все – отвратительный мучитель фэйри, толстый кудрявый мальчик с подносом, заколыхалась, издевательски заулюлюкала толпа. Грубо гогочут, раскрывая рты, мужчины, женщины вторят им тонкими голосами.

– Насмешила, пигалица!

Мужчина на помосте даже достал платок, и, сняв шляпу, промокнул вспотевший лоб. Погрозил гарпии.

– Ну, я тебя прутом!

Аэлло отрыла было рот, чтобы ответить негодяю, и всем этим людям, объяснить, каково, этому существу сидеть вот так, голым, в клетке, со сломанными крыльями... Но кто-то дернул ее за руку, обернулась – перед ней тот же вихрастый парнишка, что был у ратуши.

– С ума сбрендил? – недовольно пробурчал он сквозь зубы, и потянул за собой сквозь толпу.

Только обогнув телегу с деревянными бочками, что загораживает помост, остановился.

Аэлло недовольно выдернула руку.

– Ты что делаешь?! – возмущенно воскликнула она, и добавила слово, неоднократно слышанное от людей: – Больной?

– Ты здоровая! – огрызнулся паренек. – Ты же вроде уехать хотела!

– Ну, хотела!

– Ну, так и ехала бы! На представление чего поперлась? Уродцев спасать?

– Да как тебе не стыдно!

– Мне не стыдно! А когда тебя, дуру, схватят и тоже в клетку, как этого уродца посадят, да за медный грош на площади выставят, будет стыдно! Что не предостерег.

Щеки Аэлло запылали, брови почти встретились у переносицы. Правая рука с оттопыренным большим пальцем взметнулась к узкому подбородку.

– Предостерег? – прошипела, нахмурившись. – Спасибо!

И развернулась, уходить. Они тут все не в себе!

– Э, вон оно что! За своего вступиться решила, – более спокойно прозвучало вслед. Парень крылья заметил.

– Свой-не свой, какая разница! – возмущенно воскликнула Аэлло, оборачиваясь, и повернула распахнутую ладонь к небу. – Нельзя так с живыми существами! Ни со зверями, ни с людьми. Нельзя!

– Жалостливая?

– Не жалостливая...

– Не сердись, гарпия. Как звать-то тебя?

– Ну, Аэлло.

– Ну, Аэлло, – передразнил он ее, и, встретив негодующий взгляд, примирительно поднял руки, мол, не буду, не буду. – А меня Август.

– И что?

– Ничего.

Август вздохнул.

– Ты способ искала доехать до Цаца?

– Ну!

– Гну, – передразнил.

– Цирк Марина, который прутом тебя обещал огреть, завтра снимается.

– И что?

– То. В Цац едут. С ними дешевле будет, чем с торговцами. Почитай за пару серебряных монет договоришься.

– Договорюсь! – ответила Аэлло, и, развернувшись, пошла прочь.

– Ну, бывай, крылатая, – растерянно раздалось вслед.

Аэлло миновала ставшие привычными, кривые улочки, прошла мимо ратуши, затем оставила позади прилавки, с которых торговцы собирают непроданный товар, и вышла на окраину.

Две серебряных монеты, конечно, меньше, чем золотой за коня, на которого она в жизни не полезет, или пол золотого, чтобы путешествовать с торговым караваном. Но у нее и их нет.

Вернулась к полноводному ручью, что впадает в узкую серую речушку. Значит, завтра отправится в путь одна. А по дороге что-нибудь придумает. Обязательно придумает!

Высекла искру, разожгла костер. Какое-то время держала ладони домиком, загораживая пробуждающихся духов огня от духов ветра. Огневушки принялись протяжно, широко зевать во весь рот, и приветливо замахали Аэлло красными колпачками. Убедившись, что дыхание ветра им больше не страшно, Аэлло легла на крутой берег животом и принялась всматриваться в воду.

Вон, мелькнуло что-то серое с красными искрами по бокам. Рывок, короткий всплеск – и гарпия, словно играючи, подняла над водой серую, с красными плавниками, рыбешку. Рыбка не сразу поняла, что ее поймали, а когда поняла, затрепыхалась, жалобно открывая рот, попыталась вырваться, но спастись из острых когтей гарпии не так-то просто.

– Ненавижу, ненавижу готовить, – пробормотала Аэлло под нос, но во рту возник тошнотворный вкус сырой рыбы, что пришлось есть по дороге, и ненавистный процесс разделки оказался почти приятным.

Разложив будущий ужин на углях, сглотнула слюну и ушла к ручью, ждать.

Подобрав подол, опустила в ручей ноги. После холодных, острых, как тысяча мечей, вод Жемчужного моря вода здесь теплая, как в гейзере. Поверхность реки, куда впадает ручей, ровная, как зеркало, несмотря на течение. Вода прозрачная – видно, как шлепают губами речные водоросли, меж ними снует мелкая рыбешка. Одна, красная, в белую крапинку, отделилась от стайки, подплыла совсем близко, с интересом уставившись на белую гигантскую ногу, которой раньше тут не было.

Аэлло улыбнулась и поболтала ногами – только рыбку и видели. Будешь знать, как отделяться от своих, назидательно подумала Аэлло.

Сзади загудел хор нестройных голосов. То ли крики, то ли ругань. Аэлло вздрогнула, и решила не оборачиваться. Хватит с нее на сегодня людей.

– Куда ты его? Отдай немедленно! – прозвучал отчетливый, жалобный женский крик.

А, чтоб вас всех!

Аэлло оглянулась на шум и увидела, как в когтях огромного коршуна, с черной головой и белой грудью, бьется человеческий ребенок.

Крылья птицы в размахе побольше, чем у гарпии. Но добыча слишком велика, еще и дергается. Птица взмыла высоко – люди кидают палки, камни, те не долетают. Но выше взлететь не получается, тяжело.

Хорошо, что вода, успела подумать гарпия, когда, подхватив из костра палку с красной головней, оттолкнулась ногами изо всех сил, взмывая в воздух. Часто-часто замахала крыльями, чтобы сразу же не свалиться в реку. До птицы она не долетит, сил не хватит. Так что второго шанса не будет. Примерилась, метнула палку, целясь в крыло коршуна. Есть!

Удар пришелся легким, вскользь.

Коршун выпустил добычу и взмыл вверх, мальчишка обрушился в реку, вызвав фонтан брызг. Почти сразу же упала и Аэлло.

Несколько гребков к ребенку – тот успел скрыться под водой. Наверно, без сознания. Вот он! Аэлло схватила рыжую шевелюру, рванула на себя, переворачивая лицом вверх. Рывком подняла над темной водной гладью.

Оказавшись над водой, мальчишка начал истошно хватать ртом воздух, колотить руками. Схватил Аэлло за мокрые волосы, принялся топить.

Пришлось поднырнуть, тогда выпустил, стала держать его на вытянутых руках. Ногами Аэлло отталкивалась от воды, чувствуя, что слабеет. И когда поняла, что сил больше нет, подошвы нащупали дно.

У берега мальчишку, наконец, забрали, передали трясущийся комок причитающей женщине в чепце. Люди обступили мамашу с ребенком, заахали, заохали, принялись совать какое-то тряпье... О крылатой девочке, отбившей мальчика у птицы, на время забыли, а когда вспомнили, ее уже не было.

Потяжелевшие крылья оттягивают назад, слышно, как по ним стекают дорожками холодные ручейки. Мокрая ткань облепила кожу и хлопает. Аэлло выкрутила платье, переступила через образовавшуюся лужу, и жемчуг, расшитый по подолу, принялся ожесточенно бить по озябшим ногам при каждом шаге.

Солнце успело спрятаться за остроконечными верхушками домов, блеснув напоследок в слюдяных окошках. С гор потянуло холодом, и кожа покрылась мурашками. Аэлло поспешила к спасительному костру, а когда дошла до своей стоянки, обнаружила, что рыба безнадежно подгорела.

Настроение испортилось окончательно.

В спасенном мальчишке Аэлло узнала того сорванца, что издевался над бедным коршуном. Она уже жалела, что спасла его.

– Эй, – раздалось за спиной. – Девочка!

Гарпия обернулась и поморщилась, словно увидела слизняка.

Перед ней возвышается, переминаясь с ноги на ногу, тот самый человек, с ярмарки – в клетчатом сюртуке и котелке.

Человек шмыгнул малиновым носом и кашлянул в кулак.

– Ты это... Спасибо, в общем, что сына спасла.

Гарпия не ответила. Отвернулась, подвинулась поближе к костру, осторожно перекинув длинные тяжелые волосы через руку, поднесла мокрые пряди чуть не к самому огню. Пара капель зашипела, ударившись об угли.

– Извини, а? – снова раздалось сзади.

Скорей бы ушел!

Мужчина снова попытался завязать разговор.

– Испугался пацан... неизвестно как.

Аэлло снова не ответила.

– Ты вот что. На-ка!

Аэлло оглянулась, вопросительно подняв брови, готовая в любой момент принять боевую форму. Мужчина протянул ей мясистую ладонь. В центре сиротливо поблескивают два серебряных кружка.

Негусто за спасение сына.

Аэлло хмыкнула, тонкие губы растянулись в кривоватой ухмылке. Подняла глаза на лицо мужчины, и тот увидел свое отражение, словно в крохотных зеркальцах: огромная ладонь с толстыми пальцами-сосисками, а за ней на тоненькой ручке тщедушное клетчатое тельце. Физиономия вмиг окрасилась багрянцем.

– Да что пялишься?! – вспыхнул мужчина. – Деньги мои не нужны?!

– Не нужны, – тихо ответила Аэлло и дотронулась большим пальцем до подбородка, давая понять, что разговор окончен.

Но человек не понял.

– Гордая, да? Или борзая? – с вызовом спросил он, оттопыривая нижнюю губу. – А может, и то, и другое вместе?!

Аэлло вздохнула.

– Мне не нужны ваши деньги. Я хочу ехать с вами до Цаца.

– Что удумала! – возмутился человек. – За два серебряника до самого Цаца доехать!

– За спасение сына, – невозмутимо перебила его гарпия.

Мужчина осекся.

– По большой дороге как раз ехать. Кругом разбойники да нечисть! У меня что, у меня каждый человек на счету!

Человек пожевал губами, глаза его прищурились, а рука скользнула к гладкому подбородку. Пальцы медленно прошлись по коже, и глаза расширились, точно на ум пришла какая-то крайне удачная мысль.

– Слушай. Ты же вроде как горгулья!

– Гарпия, – поправила Аэлло, поморщившись, и склонила голову набок.

К чему он клонит?

Мужчина поковырял носком ботинка песок.

– У меня охранник один из строя вышел, проклятый забулдыга, чтоб ему не встать больше! Чтобы...

Человек запнулся, и с надеждой уставился на Аэлло.

– Пойдешь вместо него? Вы, горгоны, тьфу, гоблин, гарпии, да какая разница, ловко перья метаете! В Цаце получишь два, нет, три серебряника! И похлебку в дороге, само собой! – добавил он еще быстрее, словно опасаясь, что гарпия передумает.

– Нет.

Аэлло покачала головой.

– Я не могу летать сейчас. От меня, если разбойников встретим, проку не больше, чем от твоего мальчишки.

– Не можешь? А ведь сейчас летала, – разочарованно сказал мужчина.

– Если бы летала, в воду бы не грохнулась, – резонно заметила гарпия.

– Оно конечно, так...

Уголки губ мужчины съехали вниз, нижняя губа оттопырилась, а затем лицо озарила довольная улыбка.

– Вы же перья метаете! А ножи сможешь, если что?

– Смогу, наверно, – ответила Аэлло, пожимая плечами. Мокрая ткань платья натянулась, прилипая к спине, по коже побежали противные мурашки.

– Ну, вот и славно! – воскликнул мужчина и потер ладони одна о другую.

Аэлло возмущенно захлопала ресницами. Приличные гарпии такого жеста знать не знают.

– С меня ножи!

Человек продолжал радоваться, не замечая перемены на лице Аэлло.

– И честная оплата!

Аэлло только хмыкнула.

– Пойдем тогда, – сказал он, и махнул головой в сторону. – Завтра на рассвете выезжаем.

Глава 8

Караван бродячего зверинца Марина Салье состоит из трех длинных телег. Первая, тяжело поскрипывая колесами, везет самого Марина, на нее же взгромоздилась толстая крикливая женщина с красным лицом.

Салье любовно зовет супругу «мои семь фунтов счастья».

В перерывах между грозным женским контральто и дребезжащим сопрано самого Салье с повозки доносятся звуки шумной возни, капризные детские возгласы, звонкие, мелодичные шлепки и оплеухи. Вместе с супружеской четой едут отпрыски: три рыжих крикуна с красными, как у матушки, щеками. Родители зовут их Марен, Маран, и Марон. Аэлло постоянно путает, кто из них кто, и запомнить не старается.

Тянут каждую повозку по два пегих тяжеловоза с толстыми тупыми мордами. Бочкообразные и неторопливые, с мощными, но короткими ногами и длинными гривами. Шерстяные манжеты скрывают копыта.

Аэлло уже знает, что это все кони, мерины. Знает, и в чем их отличие от жеребцов. И что жеребец этой породы никогда под седлом не пойдет, нрав не тот, потому как выводился кочевниками как боевая лошадь. А пока первой травы не попробует, по весне которая всходит, он еще и не вполне мерин. То есть мерин, конечно, да помнит кое-что, так что глаз да глаз за ним...

Все это и многое другое Аэлло узнала от старого, с седыми висячими усами, охранника.

Он постоянно прикладывает к широкой фляжке, расписанной длиннохвостыми птицами, вытирает тыльной стороной ладони губы, и говорит без умолку. На лице наемника весело и лукаво горят голубые глаза. В третью повозку гарпия перебралась после первой же стоянки, спасибо противному Салье.

Кроме старого наемника здесь еще один, помоложе. Кажется, гоблин, из южных, но Аэлло не уверена. О гоблинах она знает только по рассказам сестер, побывавших на большой земле. Судя по зеленоватой коже и оттопыривающим нижнюю губу острым клыкам, как есть гоблин. На клыках у него кольца, наверно, для красоты.

Он спит, привалившись мощной рельефной спиной к переднему борту, натянул чуть не по брови рогожу. Из-под грубой мешковатой ткани раздается раскатистый храп.

В самой длинной тележке, посередине, едет, как здесь выражаются, зверье.

На стоянке Аэлло, наконец, разглядела ее обитателей.

Облезлый рогатый волк на ржавой цепи, худой, с побитым выражением морды, похоже, разучился реагировать на выходки людей. Даже когда один из мальчишек метко бросил в него костью, угодив прямо в глаз, только жалобно взвизгнул, но не повернул рогатой головы к мучителю. Улегся, трясясь, на деревянное дно, прикрыл нос нескладными лапами.

Рядом с волком стоит слюдяная коробка, издающая злобное шипение: там живут две атазские гадюки, по выражению папаши Пака, так требует называть себя старый охранник, «самые страшные вообще из всех».

В клетке с черными закопченными прутьями сидит попугай, крашенный фениксом. Весь пол в его клетке усыпан красной трухой от краски, а сама птица беспрерывно чихает и кашляет. Аэлло уже знает, что перед представлением птицу обливают специальным раствором и поджигают.

– Раствор этот у одного гоблина за бешеные деньги хозяин купил. Тот им натирается, когда в жерло вулкана спускается.

Аэлло изумилась.

– А зачем гоблину в жерло вулкана?

Папаша Пак пожевал губами, отчего седые усы на красном лице заходили ходуном, но так и не нашелся, что ответить. Поднес флягу к губам, сделал небольшой глоток. Глаза враз затуманились, приняли мечтательное выражение.

– А пес его знает. Гоблин, он на то и гоблин, чтобы непонятно. Ага. А красотища от этого раствора... Птица тогда горит и не сгорает, представляешь? Правда, скажу по секрету, раньше она с хвостом была. А вчера еще у нас была еще одна птица. Гигантский коршун. Ух и страшный, гад! Но он улетел. А, так ты ж в курсе. Надо было прибить его, гадину. Ишь моду взял, хозяйского пацана драть. Хотя, скажу тебе по секрету, птицу тоже понять можно.

Возле клетки с попугаем, в такой же точно, живет маленький дракон. Копия того, что напал на Аэлло над лесом, только этот на ладони уместится.

– Дракон-то денег не приносит. Недомерок совсем. Огнем плеваться и то не умеет. И вряд ли вырастет. Они в неволе не очень-то, знаешь, – посетовал хозяин на привале.

Увидел, что гарпия интересуется зверинцем, подошел поближе. Девка незнакомая, малахольная, мало ли что.

Гарпия с трудом оторвала взгляд от дракончика и взглянула на следующую клетку, побольше. В ней фэйри. Когда представления нет, он лежит, свернувшись калачиком, с закрытыми глазами.

– Сучий потрох, – доверительно сообщил Марин Аэлло. – Одна морока с подонком. Подохнет, гад, как пить дать, подохнет – а ведь хорошие деньги за него плачены. Специально решил уморить себя голодом.

Гарпия не выдержала.

– Но ведь он разумный! Как мы с вами! Как же можно его в клетку?!

Фэйри не поднял головы. Аэлло заметила, что острое ухо дернулось в их сторону. Но в целом непонятно, спит или нет.

– Ты мне это брось, – строго сказал Марин. – Ишь, выискалась, заступница. Ты, между прочим, теперь тоже у меня на службе. Хорошие деньги имеешь. И добро мое беречь должна.

– Он не будет жить в неволе, – упрямо сказала гарпия. – Его надо отпустить.

– Опять за свое! – окрысился Марин. – Пятое-десятое! Сколько раз повторять, не суй свой длинный нос, куда не звали.

Все, кто разбрехался по лесу «на стоянку», стеклись обратно к процессии. И сейчас с интересом прислушиваются к разговору.

Аэлло демонстративно развернулась, и пошла в третью повозку. Подальше от противного Марина.

– А если разбойники? – раздалось визгливое вслед.

– Успею, – хмуро ответила Аэлло, не оборачиваясь.

– Что разбойники! Тут под ногами змеи на каждом шагу, – старый охранник, папаша Пак, доверительно сообщил Аэлло. – Нет худшей твари, девочка, чем эти атазские гадуки. Встретишь такую, навошкаешься. Хуже всего, что вертлявые, все выскользнуть норовят, не так-то легко убить.

Аэлло брезгливо поморщилась.

– Морщишься? Нос воротишь? И зря. Папаша Пак зря не скажет. Змей, я тебе скажу, надо хорошо убивать. Наверняка. Если ты ей хвост отдавишь – найдет, даже не сомневайся. Приползет тогда, когда вовсе ожидать не будешь. Цапнет, вцепится прямо в горло! Но если и убьешь даже, надо непременно сжечь. А если сжечь нет никакой возможности, скажем дела у тебя, или погоня какая, то непременно нужно поганке хотя бы голову оторвать. Потому как приползет другая гадина, посмотрит в мертвые глаза, и твое отражение увидит. Ты не хмырься, увидит-увидит, и все про тебя узнает, и где живешь, и как звать тебя.

Аэлло стало смешно.

– Точно тебе говорю! – рассердился папаша Пак.

Рядом завозился здоровущий детина, который гоблин. Маленькие равнодушные глазки лениво заскользили по сторонам. Кольца с желтых клыков, что оттопыривают нижнюю губу, и напоминают Аэлло бивни, он снял. Один клык сколот, но это делает нелюдя еще страшнее. Кожа наемника отликает зеленым. Аэлло уже знает от папаши Пака, что он действительно южный гоблин и такой же охранник, как и сам Пак. А что дает в цепях выводить себя на площадь, так серебряник лишним не бывает. Детину зовут Алс. Ни до кого и ни до чего ему нет дела.

– Чертова птица! – громко сетует пройдоха Марин, слышно даже здесь. Ветер доносит лишь обрывки фраз, – целый золотой!

Пауза и снова:

– Я разорен!

Папаша Пак снова сделал глоток и протянул фляжку Аэлло. Гарпия возмущенно поджала губы и отстранилась.

– Э, кроха, – протянул наемник. Как Аэлло ни убеждала его, что совсем взрослая, не поверил. – Это чтоб внутреннюю согрело, и только. Поколесишь с нашим зверинцем, непременно пьянчужкой станешь! Мое тебе честное слово.

– Я до Цаца еду, – напомнила гарпия.

– И то верно.

Пожевал губами, огляделся по сторонам.

Караван неспешно движется по широкой лесной дороге. Песок крупный, не то, что на равнине, там приходилось в облаке пыли ехать. С одной стороны, над макушками сосен возвышается горный хребет, в белых остроконечных шапках, а с другой за зеленой полоской леса тянется равнина. Аэлло кажется, помнит это место. На дороге, конечно, не выходила, но проходила, видно, недалеко, когда шла в селение. Потому что горный хребет ну очень знакомо отсюда выглядит.

– А когда мы будем в Цаце? – спросила у старого охранника.

– Э, молодо-зелено, – неодобрительно пробурчал папаша Пак, пожевал седыми висячими усами, – все бы вам спешить! Куда только? Если б сами знали... Вот я, старый вояка, оглядываюсь назад, а все одним днем кажется. Четко все помню, ясно, ты не думай... Куда спешить?

Он сделал небольшой глоток из фляжки, крикнул, поочередно вытер усы и продолжил:

– Заночуем справно, в лесу. Костры разожжем, знаешь, как славно! А где костер, там и разговор душевный. Ты, девочка, держись папаши Пака. Я такое тебе поведаю... не сейчас. Сейчас оно не так страшно-то. А ночью, когда из темных кустов рычание да утробные звуки: кто-то на охоту вышел, а кого-то, наоборот, самого хамают... Вот тогда наслушаешься – уши что у уродца фэйри вытянутся.

Озорные голубые глаза наемника потянулись поволокой, голос стал тихий, задушевный.

– Как-то, по молодости дело было, зашли с ребятами в поселение. Лесавцов, что ли гоняли, или какую другую нечисть. Это не буду врать – не помню. Да уже и не важно. Жители деревеньки той, значит, куда-то делись. В центре самом богомольня стоит. Это те из нас, что башковитые, догадались. Мы – туда. Известно, что в богомольню самое добро несут. Украшать, значит.

Папаша Пак снова отхлебнул из фляжки. Вновь аккуратно вытер губы тыльной стороной ладони, основательно пригладил щетку усов.

– Внутри пусто, темно. А дух нехороший такой, знаешь. Деревянные божки, из пней вырезанные, понатыканы, и юбочники у них из какой-то бахромы. Пригляделся я – тогда еще просто Пак – что ты думаешь! Руки это человеческие! Кисти! Все как одна, правые! В основном мужские, крупные. Но и детские есть, и с тонкими, знаешь, длинными пальцами... Оно, то есть бабские да детские. Бахромой выглядят, потому как с виду одни пальцы!

Папаша Пак икнул и удивленно поскреб стриженный затылок.

– Ну, те, кто пожиже, так и осели. Мы потом с ребятами над ними смеялись. Папаша Пак сдюжил, всегда был не робкого десятка.

Или тогда уже закладывал за воротник, подумала гарпия. Но слушала.

Под размеренную, трескучую болтовню старого наемника и мерный скрип колес меньше думалось о Талисмане. При одной мысли о сокровище, которое поможет одолеть проклятых нефелимов, спасти сестер и вернуть Жемчужный трон, у гарпии начинали дрожать пальцы, и сердце останавливалось, а потом заходило крупная дрожью, горло сдавливало предчувствием грядущей беды. Страх бегал внутри, перебирая ледяными лапками, а потом выпускал когти, принимался безжалостно рвать душу... Лучше уж слушать старого вруна.

– Это у них, у дикарей-то этих, такой обряд был, – продолжал папаша Пак. – Они, значит, пленным, правую руку отрубали, и на своих поганых божков вешали...

Дорога уверенно вильнула вправо. Лес по бокам стал гуще, темнее. Зеленые островки травы и вовсе не встречаются. Зато больше стало попадаться грибов. Огромные, на тонких ножках, ростом Аэлло по пояс, а то и по грудь. В основном красные, в крапинку. Из-под широких шляпок свисает рваная белая бахрама. Точь-в-точь на божках из сказки старого Пака... Непонятно, откуда в лесу ветер, а все ж таки дует, и тогда шляпки грибов начинают мерно раскачиваться.

– Нехорошее место, – пробормотал папаша Пак и даже гоблин как будто рыкнул.

А может, и не рыкнул, может, в животе у него. Кто их разберет.

– Ничего, – сказал старый охранник и снова приложился к фляге.

Чуть сполз вниз, устраиваясь поудобней. Зевнул.

– Скоро проедем, а там повеселее будет. Мы в этом лесу, вон там вот, видишь? В той стороне я имею ввиду, один раз стали. У передней телеги колесо отскочило. Ну, пока на место прилаживали, я да Клим отошли, до ветру. И наткнулись на низенькую такую, землянку.

Охранник шумно прочистил горло и сплюнул через деревянный борт.

Горький опыт подсказал Аэлло, что не стоит ждать от нового рассказа ничего хорошего.

– Мы, понятно, шасть туда... А там пусто. Только два скелета. Один побольше, другой поменьше. Ну, мертвяки и мертвяки, нешто мы не видели. Но с нами тогда маг один был, из темных. Он как к землянке подступился, аж пальцы затряслись! Это не мертвяки, кричит, ручками своими кривыми машет. То есть, мертвяки, да не одни! Все, говорит, кости в их – от разных людей. Нет такого, чтоб по две, чтоб повторялись.

Голос папаши Пака звучит все глуше, все медленней. Понимать его становится все труднее.

– Нечисть какая, – пробормотал он, – собрала, значит, по частям... да сложила... Х-рр... Точно им мозаика...

Охранник смежил морщинистые веки и вскоре до Аэлло донесся тонкий, с присвистом, храп.

Гарпия все же не выдержала.

– А куда остальные кости дели? Это ж сколько людей должно быть! Чтобы от каждого по кости!

– То-то, что дели куда-то, – сонно пробормотал охранник, вздрагивая. – Нелюди...

И снова захрапел.

Аэлло хотела спросить не ходили ли вокруг, не смотрели... Но не успела.

Оглушительный свист заставил ее втянуть голову в плечи, а потом на процессию обрушился целый град тупых ударов. Истошно заржали лошади. Гарпия распахнула крылья над головой, защищаясь, подхватила со дна повозки два охотничьих ножа. Обернулась, пытаюсь сообразить, откуда атака. А нападение со всех сторон.

На ветках, макушках длинных темных деревьев расположились невысокие, чуть не в цвет деревьев, фигуры. Они мечут короткие палки так ловко, что никакой возможности укрыться.

Папаша Пак заслонила тяжелым щитом, даже гоблин поджал ноги, и прикрыл зелеными лапами голову. Что происходит в передней повозке, Аэлло не видно, но слышно, как взревел раненый рогатый волк, как беспокойно кудахчет попугай.

Звери, – мелькнуло в голове у Аэлло. – Зверей некому прикрыть от ударов!

Подхватила узкий деревянный щит, метнулась из повозки. А нападающие уже соскочили с деревьев, бросились на процессию всем скопом.

Бьют не сильно, но удары сыпятся со всех сторон, сбивают с ног, не дают поднять голову. Аэлло увидела, как между деревьев мелькнула знакомая фигурка: кто-то маленький, в черном плаще с капюшоном, что надежно скрывает лицо.

– Стротин, гадина, – процедила она сквозь зубы, чувствуя, как руки связывают за спиной, поверх крыльев.

Глава 9

Они совсем не выглядят сильными, встретится такой в лесу – не скажешь, что опасный. Другое дело, что их много.

Они маленькие, юркие, прыгают, правда, невысоко, толкаются, и на первый взгляд только мешают друг другу.

Но вот и зеленоватый гоблин с грохотом падает на землю, погребенный серым колышущимся покрывалом. Как юркие трудолюбивые муравьи одолевают более крупную добычу.

Аэлло кажется, что все происходит в тишине, она не сразу поняла, что оглохла от криков, ржания, рева животных, звуков ударов коротких дубинок.

Существ так много, и каждое намерено потрогать, ущипнуть, ударить Аэлло, дернуть за белую ткань платья, пнуть в бок, в спину, в лицо, и гарпия не сразу сообразила, что ее тащат, волокут куда-то на двух длинных молодых деревцах.

Они визжат, щиплются, толкаются.

Перед лицом Аэлло то и дело мелькают сухие ветки, кочки, моховые подушки, серые, покрытые пятнами лишайников, стволы деревьев.

От них пахнет чем-то кислым, а еще потом и мускусом. Одеты существа в коротенькие кожаные юбочки, очень грубой выделки. На заду одного из них Аэлло заметила рисунок: рукоятка меча с торчащим из-за него крылом. Ахнула.

Мечом с крыльями часто украшают мощные плечи сестры, что селятся на пиках скал с другой стороны моря.

Рядом тихо выругался папаша Пак, утробно рыкнул гоблин. Неужто и его тащат волоком? Аэлло оглянулась: плененного гоблина, как и ее, волокут на тонких молодых деревцах, остальных – привязав за руки и ноги к длинным палкам, как забитую дичь.

По жалобному скулежу, что раздается сзади, Аэлло понятно, что и рогатого волка тащат на веревке. Значит, и зверей захватили с собой, и непонятно, что хуже – околеть от голода, запертыми в клетках, на дороге, или попасть в плен к этим... кто они?

Существа перекрикиваются на странном наречии, состоящем в основном из твердых согласных и междометий.

Из быстрой речи существ Аэлло понимает только:

– Ах ты, ух и, ах он, ах вы, ух ты, ох эти, эх его.

Так что понять, для чего им бродячий зверинец, невозможно.

В голове бешеной каруселью крутятся рассказы старого наемника – то об отрубленных кистях, то о собранных скелетах. Кажется, он говорил, это было где-то здесь, недалеко...

Наконец, их затащили на окраину широкой поляны, и Аэлло увидела, что здесь, в лесу у этих существ целый город. Ну, не город, селение.

Наткнешься случайно, даже с десяти шагов – ничего не заметишь, пройдешь мимо.

Вокруг неприступные колючие кусты, когда Аэлло волокли через них, вся ободралась. Задрала голову и увидела, что улицы многочисленными тоненькими бортиками пролегают высоко, в ветвях.

Существа споро перебирают по ним когтистыми лапками, когда надо – переходят на четыре точки опоры, выходит у них ловко.

Отовсюду раздается злобное повизгивание, перемежаемое:

– Эх ты, ай да, ах и, эх и, эй и...

Их привалили спинами к стволам, примотали то ли лианами, то ли свитыми из травы веревками. Откуда-то слева, из-за деревьев, раздалось жалобное ржание, и Аэлло поняла, что звери там.

Приняв вертикальное положение, Аэлло, наконец, смогла рассмотреть захвативших их в плен существ.

Невысокие, Аэлло по пояс, очень юркие, кожа зеленоватого цвета, покрытая редкой серой шерстью.

Лица, или, скорее мордочки существ отдаленно напоминают человеческие, но больше ассоциаций у Аэлло со зверями. Бесстыдно задранные ноздри постоянно в движении, круглые злобные глазки мигают кожистыми прозрачными веками. Рты как будто полностью не закрываются, а может, существа непрерывно скалят острые зубы, мелкие, но все равно не умещаются во рту.

У некоторых круглые бугристые черепушки венчают загнутые назад рожки. С подвижных растопыренных ушей свисает длинная шерсть. Приглядевшись, Аэлло поняла, что этих, рогатых, здесь уважают – перед ними расступаются, их приказы спешат выполнить. Ах, да только они и разговаривают на странном наречии, остальные то ли почтительно молчат, то ли не умеют говорить.

Обратиться в боевую форму? Что-то подсказывает Аэлло, что спешить не стоит. Во-первых, она слишком слаба, в голове гудит после полученных ударов, ноют ребра. Если тело покроется стальной чешуей – боль останется, а она потяжелеет. Может, монстры и не прокусят кожу, но задавят наверняка. А боец из тебя, когда все болит, аховый. Лучше немного подождать, выгадать время. На ней все быстро заживает.

– Уроды! Скоты! Мерзавцы! – раздался визг Салье, хозяина зверинца, из чего Аэлло поняла, что он пришел в себя.

Пока их волокли, она точно видела, глаза Салье и его жены были закрыты.

Толстой женщины Аэлло не видно, а нет, вон, над хозяином гордо возвышаются полушария грудей. Наверно, дети там же.

Справа от Аэлло привязан к дереву папаша Пак, старый наемник тоже сомлел от града ударов по голове, а еще он много выпил. Из-за его силуэта видны зеленоватые ножищи Алса. Гоблин молчит, непонятно, в сознании или нет.

Папашу Пака разбудили вопли хозяина.

– Мм? – промычал старый охранник. – А? Что?

Он принялся вертеть головой по сторонам.

– У-у, тварюги! – продолжил бесноваться Марин. – Это вы меня разорили! Сволочи это всех зверей отняли!

– Плохо дело, – просипел папаша Пак и икнул. – Детей не тронули.

– Что же плохого? – тихо спросила гарпия, опешив от такого заявления.

– Тише, – шепнул охранник. – Потом. Не любят они, когда громко.

– Сейчас же поднимайте свои задницы и спасайте меня! Всех! Вы, гоблинова охрана, дети драных девок, или кто! Я вам деньги плачу! Я ваш кормилец!

– Ты это, – тихо, но уверенно сказал папаша Пак. – Заткнулся бы, кормилец.

– Ах ты старый забулдыга! – возопил хозяин зверинца, и вновь принялся сыпать ругательствами.

На этот раз поливал помоями одного лишь папашу Пака, не замечая, как несколько пленивших их существ, те, что без рогов, принялись корчить рожи, оттягивая руками уши назад, скалить острые зубы.

– Тише! – крикнула ему Аэлло, – вы их злите!

Ее крик заставил оскалиться трех коротышек, что стоят на полусогнутых лапках совсем близко. Обернули к ней бугристые плешивые головы, в широко вытаращенных глазах безумие. Не человеческий взгляд, не осмысленный.

Гарпия замолчала, и даже дышать от страха перестала, а хозяин зверинца не послушал.

– Твари вы, все! Все, слышите! Уроды! Вы мне за все ответите, сучье племя! Вы еще поплатитесь, особенно ты, старый вонючий пьянчужка, кусок гуано виерны!

Аэлло хотела крикнуть, чтоб замолчал. Существом не нравятся его вопли.

Не успела.

Тот, кто стоял ближе, прыгнул.

Аэлло видно сгорбленную спинку с выпирающим хребтом. Она подрагивает почти в такт засучившим по земле связанным ногам в добротных кожаных сапогах. Слышен хрип, чавканье, бульканье. Существо отпрыгнуло назад, и Аэлло увидела, что половины лица у Марина нет. Сквозь кровавые лохмотья видна полоска белых зубов. Хозяин больше не кричит, не ругается, только булькает и дергается.

Истошный крик потряс поляну. Вопль толстой женушки потонул под зеленоватыми, покрытыми редкой серой шерстью, телами.

Аэлло зажмурилась. А когда открыла глаза, несколько рогатых монстров – Аэлло заметила, что шерсти на них поменьше – раздают направо и налево тычки и затрешины своим невоздержанным соплеменникам. А те в ответ жалобно скалят окровавленные рожи.

Картинка такая жуткая, что гарпия опять зажмурилась. Снова открыла глаза и увидела, как монстры уже волокут два тела куда-то. Вид подпрыгивающих на кочках голов заставил Аэлло отвернуться. По щекам гарпии хлынули потоки слез.

– Странная ты, кроха, – тихо сказал ей папаша Пак. – Если бы они на хозяина с женой не кинулись, могли б и нас уходить. Хотя... Часом раньше, часом позже.

– Кто это? – дрожащим голосом спросила Аэлло.

– Это-то? Это я сейчас скумекал. Дрекавцы это. Нечисть, которая из детей получается.

Аэлло не сразу удалось заговорить.

– Из д-детей?

– То-то я вижу, детей не тронули. Бывает, что из животных. Но только тех, кто долго жил в доме человека. Тут лет десять тому целое поселение выкосили. Детей не тронули только.

– Кто выкосил? – спросила Аэлло и голос ее дрогнул.

– Ритуал черный был. Кто утварил такое, мне не ведомо.

Гоблин тихонько рыкнул.

А папаша Пак быстро зашептал.

– Говорят, поселение было аж в полтораста душ! Здесь где-то. Наткнулись бродячие менестрели на яму, прикрытую ветками. Сразу не разобрали даже, что нашли-то. Каждого человека, говорят, на четыре раза по сто кусков нарубили. И в яму... Теперь эти существа, что получились, они не помилуют.

– У меня перья стальные, – сказала Аэлло.

Гоблин снова рыкнул.

– И что, что стальные, – буркнул папаша Пак. – Перья они жрать не будут.

– Я попытаюсь, – сказала Аэлло. – Я развяжусь!

Она пошевелила пальцами. Папаша Пак прав – они выиграла время, но и только. Скоро их очередь. Лучше не тратьте время на разговоры.

Перья у нее отросли – может, не для дальнего перелета, но взлететь сможет. Если получится взлететь быстро, не успеют сбить.

Существа вернулись, и Аэлло заметила, что они как будто потяжелели, передвигаются, покачиваясь по-утиному.

Раздалось рычание, переходящее в жалобный вой. Аэлло повернула голову и увидела, как сквозь колючие кусты тащат рогатого волка. Животное упирается, поджимает хвост, ошалело вращает глазами. Его держат за четыре веревки, по трое за каждую.

Остальные обступили кольцами – те, кто с рогами, поближе. Остальные подальше.

Сначала Аэлло показалось, что они склонились в поклоне, но в следующий момент уже выпрямились, принимая другую позу. Замельтешили в нелепом танце.

Теперь понятно, почему рогатые ближе. Животное жалобно завывало, задергалось. И рога-тые не дают более невоздержанным сородичам броситься на него и растерзать.

Закончив танец, приволокли скелет с головой крупного рогатого животного. Между дрожащим волком и скелетом развели костер.

– Что они делают? – тихо спросила Аэлло папашу Пака.

– Обряды какие-то проводят, – неуверенно ответил он.

– Обряды, – раздался знакомый голос с глумливыми нотками. – Как же!

– Стротин! – вскрикнула гарпия и осеклась. Но никто не обернулся, все заняты своими делами.

– Давно не виделись, – раздалось из-под черного капюшона.

Аэлло выдохнула и вдохнула поглубже.

– Стротин, – позвала она. – Если ты развяжешь руки мне и остальным, обещаю, что ничего не сделаю тебе за то, что отправил меня к Левкою.

– А меньше надо доверять незнакомым. Здесь тебе не небесная чистота помыслов, – глумливо ответил дрекавац.

– Развяжи нас сейчас же! Я приказываю тебе!

– Да ты хоть приказывай. Здесь так не принято, понятно? Кого связали, того не развязывают. Так и жрут в веревках.

– Имей ввиду, Стротин. Я не шажу подлецов.

– Мне страшно. Я пошел, – глумливо прохихикал дрекавац и его черный плащ скрылся за деревьями.

Вопреки всему, лицо Аэлло озарила радость. Удалось освободить одну руку. А затем и другую. Монстры как раз не смотрят в их сторону. Вперед, к Талисману!

Аэлло посмотрела в небо, синее, чистое... Мгновение – и ее подхватит ласковый, родной поток, в котором нет ни подлости, ни предательства. Снова будет только воздух – самое ценное в мире, то, без чего невозможно жить и дышать! Там, в небе, его больше, а здесь, на земле, почти нет.

Гарпия с усилием оторвала взгляд от бескрайнего синего простора, что скрывают от нее черные уродливые ветки.

Пьянчужка Пак молчит, не мигая смотрит из-под седых кустистых бровей, гоблин отвернулся. И правильно отвернулся, каждый сам за себя! Вихрь вас дерит!

Аэлло тенью метнулась в сторону, быстро освободила руки папаше Паку, затем одним движением срезала веревки, обвивающие бочкообразного гоблина.

Взлететь вихрем над этим проклятым местом, только ее и видели! Никто не смотрит, никто не мешает.

Рывок! Взмах крыльями, еще один, еще! Тело запело, затрепетало от прикосновения воздушных струй. Здесь так хрустально-чисто, так звонко!

Снизу раздался истошный вопль.

Дрекавцы! Заметили побег! Вираж, и бой виден Аэлло, как на крыле.

У дрекавцов по-прежнему много преимуществ. Но не как на дороге! От них можно прятаться за стволами. Так и сделал папаша Пак. Первых нападающих старый охранник сбил длинной палкой. С губ Аэлло слетел стон досады. У него ведь даже меча нет!

Рядом наносит врагам удар за ударом Алс. Зеленоватые тела взмывают в воздух, с хрустом валятся на землю. Несколько нападающих вцепились когтями, зубами в мощные зеленоватые ручищи, но гоблин продолжает биться, размахивает руками, топчет врагов ногами.

Аэлло видно отсюда, что силы слишком неравны.

– Простите, сестры! Прости меня, тетя! Если сможешь...

Гарпия выхватила по маховому перу в каждую руку, сложила крылья, и камнем обрушилась вниз.

Глава 10

Стоило подошвам удариться о землю, как тело загудело, покрываясь стальными чешуйками. Аэлло вмиг потяжелела, утратила резвость, гибкость. И вовремя – острые зубы заскрежетали по утратившей чувствительность голени.

Покрепче ухватила за перья, поморщившись, нанесла удар. Раздался свист, и острые лезвия с хрустом перерубили хлипкие фигурки пополам. Раз! Два! Снова свист и хруст костей.

Пнула то, что осталось от нападавших, прокладывая дорогу к старому охраннику.

– Крепко держи за очин, порежешься! – прогудела Аэлло папаше Паку, суя перо в руку. Голос в боевой форме звучит глухо.

Тонкие пальцы рук и ног вытянулись, аккуратные ногти сменились крепкими когтями. Аэлло взмахнула рукой и подцепила монстра за оттопыренное ухо. Теперь сделать резкий рывок другой, с крепко зажатым пером, и отбросить то, что осталось, в его сородичей.

Монстры, вереща, шуганулись назад, чтобы в следующий миг наброситься с удвоенной силой.

Аэлло растопырила локти крыльев и постаралась подступиться к Паку, прикрывая старику спину.

Чувствуя, как тяжелые крылья гарпии упираются в спину, охранник взвесил в руке стальное перо и дерзко, по-мальчишески свистнул.

Два ближайших монстра оскалились и присели, прикрывая растопыренные уши лапами с дубинками. Прищурились, скорчив рожи, прыгнули.

Пак пронзил их одним ударом, нанизав на перо. Очин пера узкий, но шершавый, не выскальзывает из руки. Быстро приноровившись к новому оружию, наемник принялся резать врагов как поросят на бойне.

Алсу пришлось хуже всех.

Аэлло видно, как дрекавцы гроздьями повисли на его огромных руках, вцепились когтями в мощные ноги, зубами рвут плоть. Алс продолжает биться, мозжит бугристые черепа, топчет, бросает останки в сородичей, сбивая их с ног, но Аэлло видит, ему больно, очень больно.

С середины поляны раздался оглушительный рев, переходящий в утробный вой.

– Фенрир-р! – прорычал в ответ Алс.

Рогатый волк припал на передние лапы, и в следующий миг поднял двух монстров на рогах, и пока они визжат и корчатся, третьего принялся драть тонкими, но сильными лапами.

Коротышки оглянулись на крики рогатых:

– Ух и, ах он! Эх вы, ох эти! Эх его!

В следующий миг монстры лавиной обрушились на храброго волка. Яростное рычание сменилось тонким жалобным воем, а потом и вовсе исчезло, пару секунд над поляной раздавалось чавканье и хруст костей.

Получив передышку, Аэлло смогла, наконец, подступиться к Алсу.

Взмах пером, еще один – две шевелящиеся зеленоватые грозди обрушились наземь. Одно Аэлло перерубила пополам – нижняя часть продолжила извиваться на черной земле, а верхняя так и не разжала ни зубов, ни когтей.

Взмахнуть пером, и пнуть круглую голову, которая продолжает хрипеть и вращать глазами. Осталось трое.

Двоих Алс ухватил за уши и с силой столкнул головами. С низким утробным рыком стяхнул с ладоней жидкую серую массу. Одно перерубила пополам Аэлло, подняла верхнюю часть над головой и запустила в гущу сородичей.

Бок о бок с гоблином пробились к Паку. Наемник упал на одно колено, и коротышки с двух сторон прыгнули ему на плечи. Взмах огромных зеленоватых ручищ Алса – и два жилистых тельца с хрустом превратились в единый ком. Аэлло потянула Пака за руку, помогая подняться.

Втроем, плечом к плечу, шеренгой, перешли в наступление. Посередине – Алс, он топчет уродцев ногами, разбрасывает в стороны. Взлетающие тела быстро рубят Аэлло и старый охранник.

Рогатые скачут по деревьям, хватаясь когтистыми лапками за стволы, криками подбадривают тех, которые без рогов. Те скалят зубастые морды, верещат, но послушаться не смеют.

Это конец, поняла Аэлло. Их слишком много. На руке повисло что-то верещащее, со злобными вращающимися глазами, и Аэлло от неожиданности закричала. Но Алс сорвал с нее монстра и метнул в самую гущу нападающих.

Руки все тяжелее, ноги давно налились свинцом, и Аэлло не падает лишь благодаря тому, что перед глазами стоит полуобгрызенное лицо Марина Салье. Сердце гулко стучит о стальную грудную клетку, и его удары почти оглушают Аэлло.

Они проиграли. Но она будет держаться до последнего. Потом силы оставят ее. Она не удержит боевую форму. И твари набросятся и сожрут ее заживо.

Через звонкий гул в голове пробился тонкий свист.

Откуда?

Так рассекает воздух лезвие меча.

Аэлло повернула голову и увидела чей-то высокий силуэт.

Пока монстры осаждают, кто-то рубит их с другой стороны.

Подмога!

Мысль о том, что здесь кто-то еще, с мечом, придала сил – Аэлло продержалась лишние мгновения.

Твари прыгают, визжат, распахивая зубастые пасти, рогатые куда-то скрылись. Мельтешение зеленоватой массы, взлетающие в воздух тела, взмахи стального пера мешают Аэлло разглядеть того, кто пробирается им навстречу. Сзади раздался глухой удар, как будто мешок упал на землю. Аэлло обернулась. Осел, неловко подвернув ногу, папаша Пак.

Аэлло отступила за спину Алса, подбираясь к наемнику. Дать упасть – означает смерть для старика. Алс понял, кивнул. Оглушительный рев заставил тварей испуганно прижаться к земле, а потом броситься на гоблина.

Аэлло протянула Паку тонкую руку в стальных чешуйках и дернула на себя, помогая подняться. С трудом удержалась на ногах.

Острые зубы заскрежетали по ногам. Монстры не могут прокусить стальную чешую, но вцепились сильными цепкими лапками, тянут вниз.

Гарпия с трудом подняла руку с пером, скривилась от резкой боли в плече. Рубанула и поняла, что не чувствует руку. Покореженное тельце осело на землю, но на смену упавшему пришли двое других.

Аэлло сжала очин пера двумя руками, заставляя себя поднимать и опускать их, нанося смертельные удары. Но тут кто-то повис на правом плече, пытаясь вывернуть его из сустава. Когтистые лапки заскользили по стальным краям ее орудия, теряя пальцы, но сил держать перо больше нет. Пальцы Аэлло разжались, перо выскользнуло из рук.

Твари принялись раскачивать безоружную гарпию.

Сильный удар сзади – кто-то бросился ей под колени, и Аэлло упала на спину. На грудь ей вскочили два, или три уродца. Сил держать боевую форму не осталось. Слишком тяжело. Аэлло с трудом подняла тяжелые руки в стальных чешуйках, пытаясь согнать нечисть, но руки не послушались.

Она все слабее, все неповоротливей. Тошнотворные липкие ладошки залепили рот и нос. Сначала лишат воздуха, а потом сожрут.

Аэлло забилась в удушье. А потом поляна резко подернулась черным. Наконец-то, – сказало что-то внутри гарпии. Еще немного – и все закончится. Почему эта мысль раньше не пришла в голову...

Раздался короткий свист.

Замерцал неяркий, дребезжащий свет. Тяжесть с груди ушла и обрушилась где-то сбоку. Воздух со свистом ворвался в грудь.

Аэлло увидела занесенное над ней лезвие меча.

Сил держать боевую форму больше нет, и вновь ставшая легкой, невесомой, Аэлло откатилась в сторону. Меч снова мелькнул над ней, и Аэлло зажмурилась изо всех сил, выставляя перед собой руки.

Удар!

Меч по рукоятку вошел в землю рядом с гарпией, а потом раздался вопль:

– Ты!

Все еще не веря в то, что жива, Аэлло открыла глаза.

Над ней склонился Август.

Глаза вытаращены, рот широко открыт, веко дергается. Столкнувшись взглядом с Аэлло, отпрянул назад, поднимая руку, словно заслоняясь.

– Ты с ума сошел! – вырвалось у Аэлло.

– Ты... Ты! – выдохнул Август. – Ты что здесь делаешь!

– Я?! Отбиваюсь от дрекавцов, а ты? – ехидно спросила гарпия.

Август заморгал круглыми голубыми глазами. Щеки его вмиг окрасил румянец, даже кончики оттопыренных ушей стали малиновыми. Длинный подбородок парня дернулся, он вытер окровавленные ладони прямо о белую холщовую рубаху, и проямлил:

– Тебя спасаю.

– Вот как?! – съязвила Аэлло. – Хорошо, предупредил. А то спас бы, а я была бы не в курсе. Валялась бы, разрубленная напополам, так и не узнав, кто мой спаситель!

Аэлло не сразу поняла, что бой закончен. Подтянула ноги, одернула подол платья. Походя заметила, что левую лодыжку разбила в кровь, когда это она успела так упасть? Справа голень покрыта царапинами. На руках много порезов, но неглубоких, затянутся мигом. Жить можно. Откинула кудри назад. В волосах грязь, мох, трава, слипшаяся кровь. Затянула узлом на затылке, чтобы не мешали.

Обвела взглядом поляну. Скукоженные части тел, выпученные глаза уже беззлобно пялятся в небо. Сколько же их? Вся поляна усеяна, земли не видно.

Откуда-то сбоку раздался хрип. Обернулась – папаша Пак полулежит, облокотился о ствол, волосы у него слиплись, темные от крови.

Шатаясь, подошла к нему. Опустилась на колени рядом.

Осторожно положила руку на лоб, отвела в сторону кровавые сосульки волос. Нехорошая рана. Глубокая. Странно, что охранник вообще в сознании.

– Отвоевал свое, деточка, – сказал, кривя разбитые губы, наемник.

А потом виновато так добавил.

– Кроха, мне бы лекарства? А?

Будет тебе лекарство, старый вояка, подумала Аэлло. Найду...

Поодаль медленно вздымается и оседает зеленоватая груда мышц – Алс! Рядом длинным серым пятном растянулось тело рогатого волка.

Аэлло принялась осматривать гоблина. Кажется, сердобольные сестры сначала смотрят, потом лечат... Голова все еще гудит.

Мощное тело сплошь покрыто рваными ранами, укусы... Вон, в иных даже белеют остатки зубов.

Аэлло положила кисть на зеленый лоб, и глаза гоблина открылись. Клыки дернулись.

– Больно, – раздалось из израненных губ Алса.

Аэлло отпрянула, и болотного цвета глаза гоблина потемнели, точно солнце скрылось за тучами. Как же стыдно! Заставила другого почувствовать то же, что и она только что – когда Август отшатнулся от нее.

– Ты не страшный, Алс, – пролепетала. – Я просто забыла, что ты говоришь.

Алс не ответил. Просто смотрел на нее, не мигая.

Утешила, называется. Лучше бы вообще молчала.

– Потерпи, пожалуйста. Я сейчас.

Сейчас, сейчас. А что делать-то? Дома... Дома растут синие водоросли, дома есть желтая целебная глина... ей мажут края ран, и они срастаются, даже шрамов не остается... Дома тетя. Если чего-то не знаешь, всегда можно спросить у Келены... И Дара. Дара, сестренка, как же без тебя плохо!

Аэлло замотала головой, отгоняя стыдные мысли. Келене и Подарке сейчас намного хуже, чем ей. И если она правда хочет помочь им, нужно расправить крылья и поспешить.

Пользуясь способом, безотказно работающим для концентрации, Аэлло широко распахнула крылья, не заметив, как сбила с ног подошедшего Августа. Парень осел на землю, уставившись на серое крыло во все глаза.

Гарпия аккуратно сложила крылья за спиной, и они почти слились с белым длинным платьем.

Итак, что мы ищем? Фляжку. Папаше Паку нужна его фляжка. А еще нужно найти бинты и вату. Аэлло даже улыбнулась своей наивности. Хотя бы тряпок. И спирт. Ей нужен спирт. Пак, Алс – сильно покусаны. И, кажется, Август тоже хромает.

– Эй, – позвал ее Август, нерешительно двинувшись следом. – Когда я подходил, видел, они там что-то обступили. Он махнул рукой.

Очень может быть, что вещи, сорванные с их поясов, там.

– Тебе помочь? – спросил Август, и осторожно, словно нехотя, протянул к ней руку.

Аэлло скривилась и отпрянула.

– Обойдусь.

– Я тебе помогу искать!

Гарпия не ответила, на ходу пожала плечами. Пошла, не оглядываясь.

Под деревьями, куда указывал Август, лишь бело-розовые кости. Рядом валяется клетчатый котелок, обрывки одежды. Марин Салье с женой! Только что ходили, разговаривали, ругались. А тут кости.

Аэлло вскрикнула, выставила перед собой руки, отступила назад. Август шарахнулся от нее. Ну и пусть. Вид у нее, наверно... краше на скале раскладывают.

Стараясь не смотреть, Аэлло обошла скелет, принялась ворошить груды тряпья. Есть! Фляжка папаша Пака! Гарпия схватила ее первой. Поймала на себе задумчивый взгляд Августа. Что ему надо вообще?

Значит, здесь те вещи, что были в первой тележке, где ехали хозяин с женой и детьми. Где-то должна быть лекарская сумка...

Отшвырнула ящик с нарисованными на нем переплетенными змеями. Корм там для гадюк, что ли? Снова поймала на себе удивленный взгляд. Да что ему надо-то?

– Ты что ищешь?

– Лекарскую сумку.

Опять пристальный взгляд. Аэлло твердо решила не обращать внимания.

Как назло, ничего с ветвью! А нет, вот что-то. Бутылка, на ней ветка. Открыла крышку, понюхала, в нос ударил резкий запах спирта. Лицо озарила радость.

– Это пить нельзя! – ошалело воскликнул Август. – Древесный спирт!

– А кто-то собирался? – надменно пробурчала Аэлло и недобро покосилась на парня. – Раны, по-твоему, чем обрабатывать?

– Пошли, помогу.

– Погоди. Она должна быть где-то здесь.

– Да что?

– Так сумка!

– Так вот же она. Вон ящик со змеями.

– Со змеями?

– Ну да, а ты что думала увидеть?

– Ветку, – растерянно ответила гарпия.

Наверно, Август что-то понял.

– У нас змей рисуют, двоих, они обвивают рюмку и сцеживают в нее яд. Видишь? Вон, капает.

Аэлло захлопала ресницами, глядя попеременно то на рассказчика, то на картинку – где логика?

Напоследок все же пересилила себя, опустилась рядом с телами хозяев. Стараясь не смотреть, не вдыхать сладковатый тошнотворный запах, принялась срывать с бывшей Салье длинные юбки.

Август понял, присоединился.

Спазм сжал горло, Аэлло согнулась и закашлялась, ощущая, что все, что есть внутри, сейчас выскочит наружу.

Август опять понял.

– Отойди, – коротко сказал ей. – Я сам. Я сейчас.

Аэлло поднялась и на нетвердых ногах поковыляла обратно. Спазмы продолжали сотрясать тело.

Главное не дышать носом, но приторный запах смерти насквозь пропитал это место.

И намертво приклеился к ней.

Глава 11

Аэлло потянула пальцем повязку на мощной ножище, уже шестую, не туго ли? Бросила быстрый взгляд на лицо гоблина – молчит, непонятно, больно ему или нет. Точнее, насколько больно. Алс похож на спелое хлопковое поле: весь в белых клочьях, пропитанных спиртом. Папаша Пак настоял, мол, укусы дрекавцов жуть какие заразные.

Хорошо, что Август помог с перевязкой, у нее позорно кружилась голова и оттого она чувствовала себя улиткой.

– Ух ты ж е-мое! – воскликнул Август, и Аэлло подпрыгнула. – Вот это они лихо тебя! Ну-ка, держи...

Алс безропотно разомкнул клыки и позволил положить между верхней и нижней челюстью деревяшку.

– Я, конечно, постараюсь, но тут зубы остались, обломки, – пробормотал Август. – Обязательно достать надо...

Аэлло сглотнула.

– На гоблинах все как на волках заживает, не бойсь, – сказал ей Август, орудуя острием ножа и пальцами в ране.

Аэлло не выдержала – зажмурилась, закусила губу.

Как он сказал о фэйри – там, в селении? Уродец?

Я для него крылатый уродец, подумала Аэлло. И гоблина по этой же причине помогаю, да.

Алс дернулся, обрушил на землю кулак-кувалду.

Папаша Пак одобрительно крикнул и глотнул из фляжки. Аэлло сначала хотела подержать ее, чтобы облегчить наемнику последние мгновения жизни. А не пришлось. Увидев фляжку, Пак даже приподнялся. Вцепился и принялся судорожно глотать, забыв, что минутой раньше бормотал что-то о путешествии на звезду. Голову ему перевязал Август.

Гоблин утробно застонал, и у Аэлло сжалось сердце.

– Ага, – пробормотал Август. – Ага. Еще один. Аэлло, знаешь, я тут решил в Цац съездить.

– С чего вдруг? – огрызнулась Аэлло, с силой затягивая повязку над бугристым зеленоватым коленом.

Гоблин замычал.

– Ой, извини, – спохватилась Аэлло и осторожно погладила зеленую кисть. Твердую и теплую.

– Просто решил и все тут, – смущенно пробормотал Август. – Давно там не был, между прочим.

Он о чем?

Алс покосился на рассказчика, а потом посмотрел на Аэлло. Бледные щеки заалели, как маков цвет, Август же запнулся и закашлялся.

Хорошо еще папаша Пак ничего не сказал.

Прочистив горло, Август поведал, как увидел на дороге три разграбленные телеги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.